

Индейцы в комбинезонах

Джейми де Ангуло

1950

Улица в маленьком городке на высокогорном плато северо-восточной Калифорнии. Чистый воздух, голубое небо, запах жженого можжевельника. Я искал Джека Фолсома, индейца из племени пит-риверов.

Я увидел нескольких пайютов, празднично стоящих на углу, перешел дорогу и спросил у них, в городе ли Джек Фолсом. Они не ответили.

Я побрел дальше, засунув руки в карманы. А затем увидел его, стоящего перед магазином. Все тот же старый Джек; коренастая, широкая фигура; очень темная кожа, седые волосы; потрепанная шляпа и новенький комбинезон; и все те же веселые, насмешливые серые глаза.

«Привет, Джек».

«О... Док! Где вы были все это время? Что вы здесь делаете? Ищете еще одно ранчо?»

«Нет. Больше никаких ранчо. Я вернулся, чтобы изучать индейский язык».

«Что вы имеете в виду, Док? Вы хотите сказать, что хотите выучить наш язык, язык пит-риверов? Вы этого не сможете, Док, не стоит и пытаться. Ни один белый не может выучить наши слова. Во всей этой местности нет белого, который может говорить на пит-ривере. Некоторые парни, ковбои, думают, что умеют, но все, что они знают, это пара ругательств. Модок, или пайют – вот простые языки. Почему бы вам не попробовать изучить их? Тут довольно много белых, которые довольно хорошо говорят на пайюте. Я тоже умею говорить на пайюте. Но пит-ривер – это трудный язык, Док».

«Я могу по крайней мере попытаться. Ты меня научишь?»

«Конечно. Где вы остановились, Док?»

«Нигде. Я приехал на поезде прошлым вечером. Где ты сейчас живешь, Джек?»

«Все там же. На том маленьком клочке индейской земли, который получил от правительства. У меня там есть хижина. Хорошая вода, у меня есть колодец. Вы бывали там, Док, вы же помните».

«Да, помню. У тебя все та же жена?»

«Да, Лина. Большая и толстая. Они все еще вспоминает о вас. Они не видела ни одного белого, который стал бы есть с индейцами!»

«Джек, скажи, я могу остановиться у тебя?»

«Что вы имеете в виду, Док? Вы не можете жить с индейцами!»

«Почему?»

«Что скажут белые люди? Они не позволят вам. Они перестанут с вами разговаривать. Они подумают, что вы такая же собака, как мы».

«К черту белых людей. Мне они тоже не нравятся. Ты позволишь мне остановиться у тебя?»

«Конечно! Я давно вас знаю, Док. Но у меня не хватит одеял... разве что вы ляжете вместе со мной и Линой, но эта женщина очень толстая. Для меня одного мало места».

«Хорошо, Джек. Я пойду и куплю одеяла».

«Хорошо, Док. Бросьте их в мою повозку. Вон там моя повозка. А я пойду куплю немного жратвы...»

Весь день мы ехали через заросли полыни. Сильный и резкий запах. Зайцы. Иногда рошица можжевельных деревьев, грубая кора, ветки в наростах. Широкая, широкая долина, словно море. Едва видны горы. Каньоны с перпендикулярными стенами и нависающими краями. Бежит, бежит, бежит трусцой упряжка лошадей, гнедая и чалая, поднимая пыль. Вот выскакивает еще один заяц. День переходит в закат. Дорога поворачивает за холм. Разваливающая изгородь. Открываем ворота и почти падаем вместе с ними. «Индейские ворота!» – смеется Джек. Еще один поворот вокруг холма в собирающихся сумерках, а вот и лачуга. Большая толстая Лина подходит к дверям. Она

видит меня и улыбается: «Привет, Док!» – так, словно она знала, что я приеду, словно я уехал на прошлой неделе. Это Лина. Всегда принимает жизнь такой, какая она есть.

Я купил палатку и поставил ее в лунном свете. Стоял сентябрь, и ночи уже были холодными. Джек принес одеяло из кроличьих шкурок и расстелил на моей кровати. «Спорю, оно вам понадобится до утра, Док. Сейчас такие редко увидишь. Сейчас индейцы слишком ленивы. Уходит сто пятьдесят, может двести кроликов. Ну, доброй ночи».

Я выкопал углубление в земле для своих бедер и залез под одеяла. Я курил и слушал койотов, воющих и лающих где-то в лунном свете. Через какое-то время стая ушла, и их лай стал едва слышен. Тишина и лунный свет сквозь дверь полатки. Я не мог уснуть. Я курил одну сигарету за другой...

В лачуге не было ничего, кроме нескольких одеял на куче тростиника в углу. Сквозь крышу виднелась большая часть неба. Была плита, но у нее не было ножек, и она покоилась прямо на полу. Лина убрала ножки, чтобы можно было сидеть на корточках при приготовлении еды. Она считала, что готовить нужно именно так, словно у костра. Многие индейки довольно толсты, но Лина была горой плоти, и вставание на ноги было для нее операцией, требующей больших усилий. Меня удивило, как многое она могла сделать, не поднимая свой зад от пола. Она могла перекатиться и дотянуться до сковороды, находившейся в шести футах. Но «перекатиться» не достаточно адекватно описывает это своеобразное движение, придавая ему к тому же нечто неблагоприятное. Вы когда-либо наблюдали в аквариуме осьминога, переползающего через камень? В этом есть отдаленное сходство. Тело, кажется, ползет по полу надвигающимися волнами набивного ситца, разворачивается коричневая рука, и сковорода неуклонно оказывается в руках.

Лина не все время готовила, хотя она все время сидела на полу на корточках. Она работала с бисером, собирая бусины разных цветов в индейские узоры для поясов, шляпных лент, табачных кисетов. Ум плетельщика должно быть странный вид ума, создающий картину ряд за рядом, из стороны в сторону, слева направо, справа налево, она поднимается по чуть-чуть, ряд за рядом. Вся композиция была собрана в уме с самого начала, и исправления невозможны. Я думал о том, что происходит у нее в голове, когда ее толстые пальцы устают, и она сидит, глядя на холмы вдаль сквозь открытую дверь. После полудня солнце проникало в дверь, уже осеннее солнце, а воздух был чист и ясен. Лина мало говорила, а когда говорила, то очень тихо, почти шепча.

Большая, спокойная, тихая Лина, и ее редкий смех. Они с Джеком очень хорошо ладили. Она была его четвертой женой.

Я сказал: «Джек, раньше ты обращался ко мне по-английски. Ты говорил: “Давай есть”. Как сказать это по-индейски?»

«*Laham*».

Я записал это в свою записную книжку. А затем спросил: «Какая часть этого слова означает ‘есть’?»

Джек посмотрел на меня с очень озадаченным выражением на лице. «Я не знаю, что вы имеете в виду, Док, какой частью вы едите...»

«Хорошо... Не бери в голову... Как сказать ‘я ем’?»

«*Saama*».

«А как сказать ‘ты ешь’?»

«*Kaama*».

«А как сказать ‘он ест’?»

«*Yaama*».

Я подумал: «Конечно же! Это то, что грамматики называют прономинальными префиксами. *S...*, *k...* и *y...*, означают местоимения: я, ты, он». Я был очень горд собой. У меня неплохо получалось. «А теперь, Джек, как сказать ‘мы едим’?»

«Сколько из нас, Док?»

«Какое это имеет значение? Если я говорю «мы», то имею в виду больше одного. Это то, что мы называем единственным и множественным числом».

«Я не знаю, что вы так называете. Я никогда не ходил в школу. Но в языке пит-риверов очень большая разница, один ли это человек, два, или больше двух. Например, вы и я сидим здесь, приходит другой человек и говорит: “Парни, вы уже едите?” И мы по-индейски отвечаем: *Sahaama*. Это означает: “Да, мы двое уже едим”. Но если нас было бы больше, чем двое, например, вы, я и Лина, тогда бы мы сказали: *Sahammiiima*. “Да, мы все уже едим”. Точно так же, как вы обращаетесь к человеку, чтобы предложить ему поесть: *Tamma*. Это значит: “Ешь!” Но если вы разговариваете с двумя людьми, то говорите: *Dzammi*. А если больше, чем с двумя, то: *Dzamma*. Теперь улавливаете, Док?»

Я ликовал. «Конечно, Джек. Это называется двойственное число. Так же, как в греческом!» У Джека было очень доброе лицо, и теперь оно расплылось в улыбке. Он, казалось, был очень горд за греков. И сказал: «Ну ну. Что вы теперь скажете! Я всегда думал, что греки – хорошие люди».

Я был поражен. «Что ты знаешь о греках, Джек?»

«Здесь была пара греков, они раньше держали ресторан. Я слушал их язык, но не понимал ни слова, хотя я немного знаю мексиканский. Я не знал, что они говорят, как мы».

Джек поднялся с бревна, на котором мы сидели. «Пойдемте охотиться на кроликов, Док». Он ушел в хижину, вернулся со своим дробовиком, и мы отправились в высокую полынь. «Когда я был маленьким, я охотился на них с луком. Это было давно, когда я был маленьким мальчиком...» «Сколько тебе лет, Джек?» «Я не знаю, Док. Старые индейцы не знают своего возраста. Хотя я расскажу вам, и может быть вы сможете узнать. Я помню, что мог ездить верхом во времена Войны модоков. Я был одним из первых парней, у кого хватило мужества ездить верхом. Старики все еще боялись лошадей. Вот почему старик Фолсом вроде как усыновил меня. Он был белым. У них с женой не было детей, и они вырастили меня, как своего собственного ребенка. Они были среди первых белых, поселившихся здесь. Когда они умерли, я вернулся к своему народу, я долго чувствовал себя чужаком».

«Послушайте, Док, напишите для меня письмо. Джеку Спрингу. Вы его помните, в Хот-Спрингс, который мы называем Астагхива... Скажите ему, что у меня уже есть его жеребенок. Скажите, пусть приезжает и забирает его, и пусть не дает молодым индейцам заставлять его брыкаться ради забавы, потому что это его испортит... И скажите ему, что пайют застрелил Слепого Холла, знаете, старого индейского доктора, в Биг-Медоус на прошлой неделе, из-за того, что старый Холл отравил его родственников. Он сделал шесть выстрелов прямой наводкой, но не причинил ему вреда, потому что его там не было. Старый Холл очень смеялся. Сказал, что его медицина, Ворон, предупредил его о приходе пайюта, так что он ушел и оставил там свою тень, и пайют разрядил свое ружье в нее... И скажите ему, что если он достал шкуру, то пусть придержит ее для меня, потому что у меня есть заказ на недоуздки и арапники, и у меня кончились ремни, и я заплачу ему за нее... И скажите ему, что старый Боб-Вождь в Тулукупи сильно болен и возможно умрет, и мы знаем, кто отравил его, но у нас тоже есть доктора... Ну, думаю, это все, и скажите ему, чтобы он берег себя».

Я бродил по зарослям полыни. Я думал о языке пит-риверов. Я уже понял, что его будет трудно изучить, это очень сложный язык, сложный по строению. И все же индейцы пит-риверы считаются одними из самых примитивных, на уровне культуры каменного века. И я думал... Может ли быть, чтобы между языком и культурой не было связи?

«Я родился в старом индейском доме, Док. Таких больше не осталось, старых индейских домов. Теперь индейцы живут в домах, как у белых людей. Но это нехорошо, потому что

их дома построены не так хорошо, как дома белых. Индейские дома просто лачуги с дырявой крышей. Да! Некоторые из них сделаны из жестяных банок, вы должно быть видели их у железной дороги в городе, в так называемом Индиантауне. Здесь ужасно холодно зимой, снег, метель, сильный ветер. Индейцы простужаются и умирают. Мы в те дни не носили одежды, поэтому все были крепкими и здоровыми. А теперь индейцы не выдерживают холода так же, как белые, и даже хуже. Мы все умрем...»

«Старый индейский дом называется *astsuy*. Спорю, что вы сможете правильно выговорить это слово, Док». Я попытался, и Джек рассмеялся. «Нет, вы сказали не ‘дом’, вы сказали ‘зима’». Эти два слова довольно похожи, разве нет, *astsuy* и *astsuy*. Одно означает ‘дом’, а другое ‘зима’, но белые не различают разницы».

«А в чем разница, Джек?»

«Я не знаю, Док, не могу сказать, но для меня они звучат по-разному. Любой индеец скажет вам, что они разные: *astsuy*, *astsuy*».

Я повторял за ним снова и снова, а он смеялся и смеялся. Наконец я понял: разница была в тоне, высоте тона; *astsūy* и *astsuy*. В пит-ривере два тона, высокий и низкий. Каждый слог каждого слова имеет либо высокий тон, либо низкий, различаясь где-то на музыкальную четверть (как от *do* до *fa*). Конечно сами индейцы осознают это не больше, чем любой средний белый человек ударение в своем собственном языке. Но это важная часть грамматики пит-ривера.

В прежние времена индейцы пит-риверы не жили в индивидуальных домах. Летом они разбивали лагерь в округе, на холмах и в долинах, тут и там, перемещаясь маленькими группами, чем-то вроде наших семей, ловя рыбу, охотясь, собирая урожай корней и семян и добросовестно и в большой мере занимаясь полезным здоровым ничегонеделаньем. Осенью, когда ночи становятся суровыми, а чернохвостые олени рыжими, все эти скитающиеся маленькие семьи возвращаются домой, вниз по каньонам, через заросли можжевельника, через леса высоких сосен, к равнинам, заросшим полынью, все мигрируя домой к зимним стоянкам, в Астагхиву, где есть источник с горячей водой, в Тапаслу, где долина заканчивается тупиком, в Далмо’му, где растет много дикой репы, на все зимние стоянки, закапываясь в землю в преддверии наступающей зимы, снега, метелей и тихих дней, когда солнце светит ярко, а воздух трещит от мороза.

Вы можете представить их беспорядочно тянущимися к дому, мужчины обычно абсолютно нагие, иногда на них надеты наберденные повязки, или шнурки; женщины носят подобие фартука или юбку-хула из тростника; они несут свои тюки на спине при помощи налобных, или нагрудных повязок, и мужчины, и женщины, так как среди индейцев не так много разделения труда, за исключением того, что мужчины занимаются охотой с луком; они носят длинные волосы и часто сворачивают их в шиньон, втыкая в них длинную деревянную булавку, чтобы удержать узел на месте. Они идут вниз по тропе цепочкой, кряхтя под своей поклажей, коренастые тела с широкими плечами, шоколадная кожа – хотя многие из них высокие и гибкие, подобно пайютам из пустыни Невады, с которыми они часто вступают в брак. Детей немного, потому что выжить могут только самые здоровые и самые удачливые.

И вот, они приходят на зимнюю стоянку отовсюду, одна семья сегодня, затем следующая, и еще одна, и еще. Вот старый Красные-Следы и его люди: «Эта молодая женщина моя родственница, а кто этот молодой парень, мне кажется, я его где-то видел. Я не думаю, что он мой родственник, о! посмотрите-ка на жену Ходящего-В-Тростнике, она пеленает новорожденного младенца...» «*Is kaadzi! Is kaakaadzi!* Ты живешь, человек! Ты живешь, человек! Мы пришли сюда пять дней назад... Где Стоящий-Один?» «Он ушел, сказал, что пойдет на зиму в Ханти’у, у него там родственники. Старый Слепой-Вождь пришел?» «Нет, но здесь уже четыре-пять вождей...»

В одном месте могут зимовать сорок, пятьдесят, шестьдесят человек, все живя вместе, на голове друг у друга, в одном большом общем доме, типа подземной пещеры. Это был *astsuy*, нет, я хочу сказать, *astsūy*.

Я много дал бы, чтобы провести время в одном из таких старых зимних домов, и увидеть, как в действительности они живут, получить настоящее понимание их социальной организации, их семейной жизни, их системы родства. Все это просто слова. Я прочитал их в книгах по антропологии, но это просто ярлыки, высушенные образцы, безжизненные. Я всегда хотел жить с по-настоящему примитивными людьми, настоящими людьми каменного века, и понять, как они думают и чувствуют. Я читал книги по примитивной психологии, некоторые из них были прекрасными книгами, вроде Леви-Брюля (который, кстати, никогда не покидал Парижа, или по крайней мере мне так рассказывали), но они не убедили меня.

По-настоящему примитивные народы непохожи на уже окультуренных индейцев Юго-Запада с их солнцепоклонничеством, тайными обществами, эзотерическими церемониями. А настоящие люди каменного века... Ну, они были совсем недавно. Был Джек Фолсом, который был маленьким мальчиком, когда приехали первые белые. Осталось ли что-нибудь? Как сильно они изменились? Боже мой, только подумайте, в течение одной жизни перейти от каменного топора к беспроводному телеграфу! Индейцы в комбинезонах; нет, в них не было ничего колоритного, ни головных уборов из перьев, ни расшитых бисером мокасинов, ничего, что могло бы восхитить туристов в этих «индейцах-копателях» в их потрепанных шляпах и дешевом ситце, собирающих отбросы белых в мусорных кучах на окраине города. Мои индейцы в комбинезонах!...

Джек сказал, что ему надо уехать ненадолго, за своей лошадей. У него было несколько хороших лошадей, которые иногда принимали участие в скачках и приносили таким образом немного денег. (Индейцам нужно было как-то жить – они получили несколько клочков земли, тут и там, от правительства, в большинстве своем каменные участки без воды, бесполезные – в летний сенокос они могли заработать несколько долларов работая на белых ранчеров – в остальное время, да кому это интересно? От этих сукиных детей нет толку, лгуны и воры, да пусть все они сдохнут.) Он сказал, что вернется через неделю, или две. Итак, после того, как он уехал вместе с Линой и коляской, я оседлал оставшуюся лошадь, привязал позади седла свои одеяла и отправился прокатиться.

Я поехал вниз по течению реки Пит-Ривер, остановился в Кэнби, чтобы купить банку бобов и немного бекона в магазине (Кэнби в то время состоял из одного магазина, одной кузницы и трех других домов). Парень там узнал меня. «А вы не Док Ковбой? Черт бы меня побрал! Где вы были? Помните, как вы приехали на шоу, и на вас не было даже штанов, только одеяло, ковбойские штаны и шпоры, и вы по ошибке вышли на сцену с бутылкой виски, и все подумали, что вы один из актеров? Мы здесь все еще смеемся на этом. Чем вы теперь занимаетесь? Я думал, вы уехали вниз, в долину...» и т.д., и т.д.

Я устроился в ту ночь в роще можжевельника. На следующий день я выехал с холмов в Большую Долину (*wa'wa atwam* индейцев). Проехал небольшой городок Бибер. Снова купил еды в магазине. Люди там казались слабоумны, и я долго пытался донести до них, чего хочу. Все белые в этих местах – медлительные, неотесанные пионеры. По крайней мере были, в то время.

Я отправился дальше. Становилось темно, и я искал место для привала. Затем, недалеко от дороги, я заметил горящий костер и нескольких человек, разбивших лагерь под большой высокой сосной. Я направился туда и вот так и познакомился с Сукмитом, носившим также имя Фрэнк Мартин, известным также как Бибер Фрэнк, и как «этот чокнутый горбатый индейский доктор», и который стал потом моим неразлучным компаньоном (в скольких лужах мы спали вместе с бутылкой огненной воды?!) Длинные сильные руки, одного глаза нет, другой смотрит зло, огромный кривой рот с несколькими зубами тут и там. Он был молодым человеком за тридцать.

«Привет, можно мне переночевать здесь?»

«Конечно! Почему нет? Это моя земля, индейская земля, я не такой, как белые, я всем позволяю останавливаться здесь. Всем рад. Я индейский доктор. Откуда ты приехал? Куда направляешься? Садись с нами. Спорю, ты до этого никогда не ел желудевую кашу. Попробуй, лучше с солью. Раньше у индейцев не было соли. Когда ешь соль, глаза воспаляются».

Он повернулся к старой толстой женщине и начал быстро говорить на пит-ривере. Они говорили намного четче, чем Джек Фолсом. И снова я заметил ту же странную мелодию из высоких и низких тонов, долгих и коротких слогов, похожую на морзянку. А какие жесткие задненебные звуки! Эти двое казались все время кричащими на пределе возможностей своих голосов, словно испанцы (на самом деле, большинство пит-риверов таковы). У огня сидела еще одна индейка. Она была маленькая и тощая, и она ничего не говорила. Сукмит указал на нее и сказал: «Это мой дядя. Он не говорит на языке белых. У меня нет сена для твоей лошади. Она постоит у колышка?»

Желудевая каша была более менее похожа на гороховый суп. Была там и жареная картошка, но я никогда не ел картошки, жареной таким образом, словно она была сварена в жире. Она показалась мне отвратительной, но я поел из вежливости. Сукмит продолжал говорить и хвалиться. Время от времени его мать, толстая женщина, прекращала ворошить огонь, смотрела на него и говорила по-английски: «Ты сумасшедший». «Она всегда называет меня сумасшедшим, потому что я доктор, индейский доктор, все индейские доктора сумасшедшие». Другая женщина, «дядя», ничего не говорила. Она никогда ничего не говорила. Она умерла через два года.

Старуха однако, я имею в виду мать Сукмита, была очень активна. Активна, в смысле, на язык. Ее зад никогда не отрывался от земли. И оттуда она продолжала бесконечную битву со своим сыном. Она помешивала кашу, пока он болтал о своих шаманских силах, и время от времени выдавала «Ты сумасшедший!» и тут начиналась короткая перепалка на крикливом пит-ривере. У нее было широкое лицо, темно шоколадное, а глаза уже были покрыты тонким покровом катаракты. Она всегда была весела и много смеялась.

Еще одна женщина возникла в свете костра. Мне сказали, что ее зовут Кэти Гордон, и что у нее было три мужа, все белые. «Мне нравятся белые», – сказала она, – «они хорошо ко мне относятся. Дают много еды, много одежды... Хочешь жениться на мне, белый человек?» Я сказал нет, я уже был женат. Она была красивой пожилой женщиной, с седыми волосами и горящими глазами. Она наверняка была сумасшедшая. (Я заметил, что люди такого типа, сумасшедшие, довольно часто встречаются среди пит-риверов.)

В Сукмите было что-то очень дружелюбное и теплое, не смотря на его детские крики и хвастовство. Я всегда думал, что шаманы старые и коварные. Как я уже сказал, Сукмиту было за тридцать. У него было хорошее чувство юмора, и он все время шутил. Но чувствовалась странная грусть, тоска подо всем этим, и он часто погружался в мечты, занимаясь своей работой, словно автомат (он всегда был очень активен – всегда что-то делал, пилил дрова, чинил свою машину, делал то, или это).

Я видел других индейцев, и также много белых, которые часто впадали в такой трансобразный автоматизм. Фантазии – активное занятие ума, которое требует концентрации, сужения внимания в фокус. Некоторые люди могут сделать это сидя, положив подбородок на руку, но не таков наш экстраверт с увеличенной шитовидной железой; отсюда подобная автоматическая активность – а ум в миллионе миль отсюда. У Сукмита была моторная пила для распила бревен, приводимая в действие небольшим двигателем и сухой батареей (по крайней мере, он так сказал; я мало понимаю в механике, и мне это неважно; подобно матери Сукмита, я был рожден до эры машин). Старая женщина много восхищалась своим сыном и немного не доверяла ему. Я разделял оба отношения.

Сукмит был лучшим информатором, чем Джек, лингвистически. К тому времени я узнал, что у глаголов пит-ривера есть шесть наклонений: изъявительное, сослагательное,

вопросительное, волевое настоящее, или будущее и желательное (о, эти простые языки примитивных народов!); но было невозможно заставить Джека держаться в пределах одного из них. Сообщая мне спряжения (я ем, ты ешь, он ест... и т.д.), он перескакивал с одного наклонения на другое. С Сукмитом было не так; начав в одном наклонении, он неуклонно его держался. Старуха поступала отлично от них обоих; она не собиралась следовать никаким спряжениям. Она перескакивала с одного глагола на другой, если ей казалось, что это интереснее – с другой стороны, ей прекрасно удавалось разделить длинную описательную форму на составляющие ее компоненты. Я восклицал: «О... понятно...» и она смеялась: «Ха... ха... ха... белый человек!» Когда она смеялась, ее живот тоже смеялся.

Сукмит и его мать вечно спорили, обычно на пит-ривере, но иногда и на английском, для моего поучения. Сначала это меня беспокоило, но вскоре я стал обращать на это внимание не больше, чем на ветер. Старая женщина родилась в старом индейском доме. Она детально описала мне его, и даже сделала однажды маленькую модель из палочек и кусочков грязи. Она тщательно описывала мне много по-видимому бессмысленных деталей, которые становятся важны, когда вы оцениваете реальность жизни и нужды материально примитивной культуры. Она была рождена и воспитана в подобной культуре, и словно взглядом художника видела важные различия. Например, она объяснила мне, что в общем зимнем доме (который был чем-то вроде пещеры, вырытой в земле и покрытой сверху дерном) не было двери – люди входили и выходили через дымовое отверстие, поднимаясь по приставной лестнице, упирающейся в центральный столб. Но в конце дома был туннель, идущий наружу, вроде кроличьей норы. Он служил для вентиляции, создавая поток воздуха, проходящий через переполненный дом и выходящий через дымовое отверстие. Вожди, важные люди, обычно сидели, или лежали там на спине, куря свои каменные трубки и наслаждаясь свежим воздухом (сорок или пятьдесят человек, включая детей, могут создать довольно душную атмосферу!). Матери и отцы взбирались по лестнице с маленькими детьми на руках, на бедре, или привязанными к люлечной доске; но более старшие дети выползали наружу через кроличью нору; и вожди хватали их, обнимали и дразнили, как поступают взрослые во всем мире. Подобное описание создавало для меня целостную картину. А старуха (обладавшая порнографическим складом ума) говорила: «... дымовое отверстие довольно больше – два шага в поперечнике, – когда молодая девушка перешагивала через него, все было видно... Ха, ха, ха!... белый человек, ха ха ха!...»

Мадам Гордон, та что с седыми волосами и горящими глазами, была другой. Сидя у костра, она рассказывала мне о войнах, которые у них были с пайютами и модоками. Казалось, что индейцам нравилось становиться в два вражеских ряда, лицом друг к другу, и стрелять из лука. Все женщины стояли позади своих мужей, держась за их пояса и передавая им в руки стрелы. После боя они танцевали, чтобы умиротворить тени умерших. Она держали древко стрелы, с нанизанными на нем ушами, над огнем и пели. Старая Гордон брала палку, держала ее над огнем и пела глубоким контральто. Это было дико, и у меня мурашки бежали по коже. Сукмит тут же погружался в молчание, но старая Мэри должна была нарушить тишину и фыркала: «...Ха, ха, ха... белый человек...»

В тот раз я оставался с Сукмитом и его людьми лишь несколько дней. Однажды утром он начал сворачивать лагерь, бросая вещи в свой потрепанный автомобиль, а я оседлал свою лошадь. Но его отъезд был великолепен. Я должен объяснить, что индейские машины в те времена были типа «жестянки лиззи», скрепленной упаковочной проволокой. Это было до автоматического стартера – и запуск двигателя был изнурительным и обескураживающим занятием. Индейцы изобрели очень хороший способ запустить двигатель: приподнять зад машины рычагом, затем запустить двигатель, вращая задние колеса, затем выбить рычаг, побежать за машиной, пока она зигзагообразно петляет по зарослям полыни, забраться в кузов и схватить руль. Очень хорошо, но трудно для горбатого Сукмита. В то утро между ним и старухой разгорелся спор. Он хотел, чтобы она села за руль и управляла машиной,

пока он будет заводить ее по-индейски. Но она отказывалась. Он доказывал и доказывал, что это просто, очень просто. Но она была непреклонна. Наконец он завопил: «Садись, Господь Всемогуший, ты хочешь жить здесь вечно?»

Я отправился обратно, вдоль Пит-Ривер, по направлению к Хот-Спрингс. Увидел полуразвалившуюся хижину и зашел внутрь. Там находилась девушка-индеанка. Она наносила татуировку на свое запястье несмываемым карандашом и швейной иглой. Она сидела на стуле у окна и все накалывала и накалывала татуировку. Она накалывала на свое левое запястье два инициала: Б.Х. Ее лицо было жирным, обычным и непроницаемым. На ней было желтое платье, а ноги высывались из туго завязанных туфель на высоком каблуке. Она сидела у окна, прокалывая кожу и смешивая кровь и несмываемый карандаш в Б.Х. Она закончила Б и начала Х. Через окно были видны заросли полыни и кривого можжевельника, а вдалеке стояла Вадактсуудзи, высокая гора с озером на вершине, куда люди отправлялись в поисках силы. Выходя из комнаты, я заметил железный каркас кровати. Он держался, связанный парой розовых корсетов, переплетавшихся от одной ножки к другой. На столике коробочка пудры Джонтил. Я думал о той старой женщине, которая дала мне дикую репу в лагере Сукмита, с седыми волосами и горящими глазами, певшую песню для умиротворения павших врагов. На ее подбородке была традиционная татуировка в виде линий. Как она проклинала модоков! Они убили ее отца и взяли в плен мать. Она также научила меня военной песне, чему-то вроде монотонного воя. Она сказала, что ее мать пела ее, когда они оставались одни, и плакала.

Я зашел в этот дом в поисках старика по имени Слепой Холл, или Джонни Холл (его звали, как я выяснил позже, Тахтеуми, что значит 'красная тропа', или 'красные следы', или 'тропа заката'). Мне сказали, что он один из самых могущественных шаманов в округе. Но девушка с татуировкой сказала, что его здесь нет; это был его дом, но он уехал на другую стоянку. Она сказала, что он болен. «На днях он отправился в город со своей старой женой; они ехали в своей коляске; сзади выехал автомобиль; перевернул коляску; старый Холл не знал, что пострадал, но должно быть он потерял свою тень; он отправился дальше, к Хантуйю, но сильно заболел; он вернется сегодня; он собирается вылечить сам себя сегодня вечером».

Это звучало занимательно. Я решил, что послоняюсь вокруг. Может быть, что-нибудь услышу. И я стал бродить вокруг. Около полудня приехал Слепой Холл в старой, гремящей, скрипящей, раскачивающейся коляске со своей старой женой и старой-престарой дряхлой лошадью. Я тут же вспомнил, что видел его раньше, где-то когда-то; это большое лицо, слепые глаза, очень толстые губы и довольно большая для индейца белая борода. «Здравствуй, белый человек, я помню тебя, ты однажды останавливался у нас, мы разбили лагерь у дороги, ты дал мне бобы, бекон, поел с нами и относился ко мне хорошо, ты хороший человек, я помню тебя, я помню твой голос – я сейчас сильно болен, потерял на дороге свою тень, не могу жить без своей тени, может быть я умру, не знаю... Я буду лечить себя сегодня ночью. Оставайся, поможешь петь».

Слепой Холл называл свою медицину «мой яд». Индейское слово – *damaagome*. Некоторые индейцы переводят это на английский как 'медицина', или 'сила', иногда 'собака' (в смысле домашней собаки, или прирученной собаки). Слепой Холл не был хвастлив, как Сукмит; он был полон спокойного достоинства; что касается его возраста, кто знает, он сказал, что он и Джек Фолсом оба были молоды, когда однажды поссорились друг с другом: «Я назвал его по имени, и он назвал меня по имени» (вы не должны называть индейца его личным именем; это слишком личное, слишком личное; его называют по степени родства относительно вас – дядя, дедушка, зять, или как-то еще – или по прозвищу).

Слепой Холл стонал и жаловался на боль в ребрах. Мы сидели на солнце. «Дай мне сигарету, белый человек. Может быть я умру. Эта машина вышибла из меня мою тень!... Это слишком плохо, может быть я умру... Сегодня я буду лечить сам себя, я спрошу у своих ядов... У меня несколько ядов... У меня есть Ворон, он живет на вершине Вадактсуудзи, он знает все, видит все... У меня есть Вошь, Лобковая Вошь, живет с людьми, у него много друзей, он мне многое рассказывает... У меня есть Джим-Ящерица, он весь день сидит на камне, он довольно умен, но несерьезен, чертов лгун... Иногда я лечу больного человека, зову свои яды к себе, чтобы они летали над головой, а они спорят, Ворон говорит, что человек отравлен, Бычий Полоз говорит, что нет, он не отравлен, он нарушил правила охоты... а потом этот Джим-Ящерица говорит: “Эх, пойдете домой, все равно этот человек умрет!...” Тогда Ворон грозит ему пальцем и говорит: “Кто спрашивал, что ты думаешь? Почему ты не помогаешь нашему отцу?” (Яды называют шамана ‘наш отец’, *ittu ai* – шаман называет свой яд *ittu damaagome* ‘мой *damaagome*’, или как вам угодно будет перевести это слово: медицина, яд, сила...) “Можешь идти домой, если хочешь, мы останемся здесь и поможем нашему отцу”. Тогда Джим-Ящерица может остаться и помочь, а может наврать мне. На него нельзя полагаться... Ох... у меня болит вот тут внутри. Может быть я умру. Все когда-нибудь умирают... Я спрошу свой яд сегодня ночью. Ты, белый человек, сможешь, тоже будешь петь. Чем больше людей поют, тем лучше. Иногда мой яд слишком далеко, не слышит. Чем больше людей поют, тем лучше он слышит».

В этом месте, Астагхиве (что значит ‘горячее существо’, потому что там есть горячий источник), жил также Роберт Спринг (он взял это имя от источника – но его брата звали Джим Бейли, интересно, почему?? а Джим Бейли был сыном жены Слепого Холла, но Слепой Холл не был его отцом... Индейские родственные отношения очень сложны, и принятие имен белых людей не упрощает ситуацию). Этот Роберт Спринг был довольно тихим человеком, очень скромным, около тридцати, или тридцати пяти лет от роду, хорошо сложенным, и довольно хорошо говорил по-английски. Он попросил меня показать, как писать на его родном языке: «Я ходил в школу в Форт-Бидвелле; могу писать на английском; я пытался писать и на нашем языке, но не смог этого сделать. А ты можешь. Ты мне покажешь?» Было интересно, что он понимает различия в зависимости от тона, но конечно же у него не было и мысли расположить тона по порядку, или шкале. И моя концепция одного тона как «низкого», а другого как «высокого», была для него очень запутанной. «Почему тогда не сказать, что один правый, а другой левый?» – спросил он. У меня не было ответа, разумеется.

Мы сидели на бревне. Он сказал: «Черт побери! индейские стоянки всегда грязные... Посмотри на это!» По правде говоря, она была довольно захлавленной: сломанные колеса от повозки, прислоненные к стволу можжевельника. Пара лачуг, сделанных из досок и разогнутых жестяных банок для крыши. Палатка. Груды золы, старые костры. Жестянки, жестянки, жестянки. Сломанный кофейник – но прекрасный вид. Волны полыни и горы вдалеке вокруг. Это места широких поросторов. Вот там вроде не такой уж и большой холм... но он поднимается на три тысячи футов и находится на расстоянии около пятнадцати миль отсюда. Очень сбивает с толку, этот прозрачный воздух.

Гремя, въехала коляска. В ней сидели два стрых индейца, мужчина и женщина. «Это Хантийю Билл. По нему не скажешь, но он довольно стар. Он получил эту женщину в подарок. В прежние времена так иногда делали. Ее отец и Билл были большими друзьями, и он отдал ему эту женщину».

Я спросил его о «тени», которую потерял Слепой Холл. «Это то, что мы называем *de'lamdzi*», – сказал он. «Это означает ‘тень’, как тень у дерева? Или это означает тень, которую белые люди называют ‘душа’?» «Я не знаю последнее слово, как ты его произнес? Я слышал, как белые люди говорят об этом, но не понимаю, что это значит. Но

тень от дерева, это другое. Это *dalilamdzi*. Да, они звучат похоже, не правда ли? Никогда не замечал этого раньше, *de'lamdzi, dalilamdzi...*"¹

Его мать, жена старого Холла, прошла мимо. Она отправилась копать корни на равнину. Маленькая старушка, вся в морщинах, согнувшаяся под своей конической корзиной, ковыляла, опираясь на палку-копалку. Она вечно что-то бормотала. Время от времени она тыкала палкой в землю, наклонялась, вытаскивала дикую репу и бросала ее через плечо в корзину на своей спине. Она казалась очень маленькой посреди этого простора. Роберт Спринг смотрел на нее и улыбался: «Она думает, что помогает. Старики такие».

У Роберта Спринга был хороший слух; он мог бы быть прекрасным фонетистом. Он помог мне заметить разницу между *dihoomi* 'бежать' и *dihommi*, 'ветер'. Вопрос долготы: в одном слове долгая гласная; в другом долгая согласная. Количество играет важную роль в этом языке, так же как и в латинской просодии.

Этим вечером мы все собрались на закате. Приехал Джек Стил, индеец из Хантийю, обычно служивший «переводчиком» Слепому Холлу. Он зашел недалеко, в заросли полыни, и позвал его яды. «Ворон, ты, мой яд, ПРИДИ! (*qaq, mi' ittu damaagome, tummo*).... Бычий полоз, мой яд, ПРИИИДИ!!» Выглядело довольно странным, как этот человек в зарослях полыни призывает яды, словно фермер зовет своих коров домой.

Мы все собрались вокруг костра; некоторые сидели на земле, некоторые лежали на боку. Слепой Холл начал петь одну из своих шаманских песен. Двое или трое из присутствовавших, кто знал эту песню, присоединились к нему. Остальные тихо напевали какое-то время, прежде чем подхватить. Роберт Спринг сказал мне: «Давай, пой. Не бойся. Все должны помогать». В то время я еще не научился петь на индейский манер. Мелодия сбивала меня с толку. Но я присоединился, сначала робко, затем, когда понял, что никто не обращает на меня никакого внимания, с чувством.

Слепой Холл вскоре прекратил петь, сам. Он остановился, словно в задумчивости, словно прислушиваясь к чему-то в своем животе. Внезапно он хлопнул в ладоши, пение прервалось. В тишине он выкрикнул что-то, что повторил «переводчик», Джек Стил. И до того, как Джек Стил закончил, Слепой Холл снова закричал, и переводчик снова повторил, и так далее, пять или шесть раз. Это не было диалогом между Слепым Холлом и Джеком Стилом. Джек Стил просто повторял слово в слово то, что кричал Слепой Холл. Это бы диалог между Холлом и его ядом, Вороном. Сначала Холл выкрикивал вопрос, который повторял переводчик; затем Холл слушал, что отвечал Ворон (невидимо парящий над нашими головами) – и повторял ответ Ворона, который он, Холл, слышал в своем уме – и переводчик повторял этот повтор. Затем Холл испустил что-то вроде кряхтящего «Ааааа...», и снова погрузился в задумчивость. Все, включая Джека Стила, расслабились. Некоторые закурили; другие болтали. Одна женщина сказала мне: «Ты хорошо сделал; ты помогал; это хорошо!» Роберт Спринг сказал: «Конечно, все должны помогать. Иногда яды очень далеко. Они не слышат. Все должны петь вместе, чтобы пробудить их».

Женщина, которая похвалила меня за пение, сказала мне в поучение: «Он спросил Ворона, умерт ли он. Ворон сказал, что он не знает; спроси остальных». Слепой Холл начал бормотать другую шаманскую песню, и все снова повторилось. Четыре или пять раз. В какой-то момент он стал очень возбужден, начал прыгать и плясать, и упал. Должно быть чертовски плохо быть слепым.

Все представление длилось около двух часов. Затем все разбрелись.

¹ Позже я выяснил, что *de'lamdzi* - существительное, а *dalilamdzi* - глагол. Таким образом:

salilamdzi - я отбрасываю тень (на земле)

ittu dalilamdzi - моя тень (на земле)

ittu de'lamdzi - моя тень (в смысле души).

Сравните с латинским '*anima*', поток воздуха, ветер, дыхание, жизненный принцип.

Этимология англо-саксонского '*soul*' неизвестна.

На следующее утро Слепой Холл почувствовал себя намного лучше. Я спросил Роберта Спринга о «переводчике». Это называется *atsumage*, что дословно значит перевод. Согласно Спрингу, шаман приходит в такое возбуждение, что его речь часто становится довольно неразборчивой; но переводчик, привычен к этому и может ясно повторить ее. Видимо, это так; он очевидно выполняет эту функцию. Но я подозреваю и что-то еще, не настолько очевидное: шаман пребывает в состоянии большого возбуждения, оно граничит с истерией, иногда даже с каталепсией; мне кажется, что он довольно легко может скатиться в аутистическую стадию шизофрении... и никогда не вернуться обратно в реальность! Не может ли быть возможным, к примеру, что переводчик служит связующим звеном, живой нитью, при помощи которой шаман остается в контакте с реальностью материального мира?

Слепой Холл был так доволен мой «помощью», что предложил сделать мне пару мокасинов, если я достану ему кусок оленьей шкуры. Бедный слепой! *Папа* мокасинов!! Они подошли бы динозавру, или другому подобному зверю, но не человеку. Тем не менее, я заверил его, что они сидят на моей ноге словно перчатки, и он был очень горд.

Это Роберт Спринг первым объяснил мне что такое *dinihowi*. «Это то, что мы, индейцы, называем *удачей*. Человек должен получить удачу, не важно в чем, в игре, в охоте, в любви, в чем-угодно, если он не хочет быть просто обычным индейцем... вроде меня».

Мы лежали на спинах под можжевельником. Помолчав, он снова заговорил: «Когда человек молод, все говорят ему, что он должен отправиться в горы и найти себе *dinihowi*. Старики говорят: “Ты никогда ничего не добьешься, если не пойдешь и не поймашь *dinihowi*”. И ты слышишь, как другие люди хвалятся своей удачей в игре, или как они добыли хорошего *dinihowi* для охоты. Приходит время, когда молодой человек начинает чувствовать тревогу, что-то вроде грусти, беспокойства, это происходит в то время, когда он становится взрослым мужчиной. Иногда он начинает «скитаться», так мы это называем, скитания. Люди говорят: оставьте его, он скитается. В это время ты отправляешься в холмы, не приходишь домой, остаешься там всю ночь, тебе страшно, ты плачешь; два, три дня ты ничего не ешь. Иногда люди начинают беспокоиться, идут за тобой, но ты кидаешь в них камни: Уходите, вы мне не нужны, оставьте меня. Ты голоден, у тебя кружится голова, ты боишься медведей гризли. Ты засыпаешь, и кто-то приходит и будит тебя, может быть волк, толкает твою голову своей лапой, может быть голубая сойка клюет тебя в лицо, может быть маленькая мушка забирается в ухо, и говорит: “Эй! Вставай! Что ты здесь делаешь? Твои близкие беспокоятся о тебе! Лучше иди домой! Я видел, как ты бродишь тут, плачешь, голодный, мне жаль тебя, ты мне нравишься. Я помогу тебе. Послушай, вот моя песня. Запомни эту песню. Когда я тебе понадобится, приходи сюда и спой мою песню. Я услышу тебя, я приду...”»

Я сказал Роберту Спрингу: «Но тогда я не понимаю разницы между *dinihowi* и *damaagome*...» «Разницы нет. Это одно и то же. Только *damaagome* для докторов». «Как доктор получает своих *damaagome*?» «Так же, как ты и я *dinihowi*. Идет в горы. Плачет. Тогда кто-нибудь приходит и говорит, вот моя песня, я помогу тебе». «Тогда я не вижу разницы». «Я же говорю, что нет разницы. Только *dinihowi* – для простых индейцев, как ты и я, а *damaagome* – для докторов... Может быть и есть некоторая разница. *Damaagome* злой, сварливый, всегда спорит. *Dinihowi* более миролюбив».

К нам, через полынь, странной походкой, словно орангутанг, приближалась пошатывающаяся фигура. Роберт Спринг усмехнулся: «А вот и твой друг». Разумеется, это был Сукмит. «Откуда ты знаешь, что мы с ним друзья?» «Индейцы все слышат. Новости в зарослях полыни разносятся быстро. Я все слышал про то, как ты останавливался в его лагере». Сукмит поприветствовал меня: «Привет, Джейми!» (Он был единственным пит-ривером, который когда-либо назвал меня по имени. Остальные пользовались моим прозвищем в здешних местах, Док Ковбой, или просто Док.) Затем

они с Робертом поприветствовали друг друга: *Is, kaakaadzi* (Человек, ты живешь). Он уселся на одно колено, что было его обычным положением. «Я слышал, доктор Холл заболел, и пришел помочь», – сказал он.

Это смутило меня. Я всегда слышал, что индейские шаманы сердечно ненавидят друг друга. Мы рассказали Сукмиту, что Холл лечил себя сам, и теперь чувствует себя лучше. «Это хорошо», – сказал он.

Мы все трое пошли искать старика, и нашли его сидящим на лавочке спиной к лачуге и жующим табак. Роберт Спринг сел с ним рядом, а мы с Сукмитом на земле напротив, но предусмотрительно оставив достаточно места для плевков слепого. Затем последовал самый удивительный, для меня, разговор о шаманах и их ядах. Слепой Холл снова начал жаловаться на своего подопечного: на своего прирученного *damaagome*, Джима-Ящерицу, лгуна и сукина сына, которому никогда нельзя доверять... но в этот раз он вел себя хорошо, не был настолько жесток, чтобы дурачить своего собственного отца, когда тот болен, и т.д. и т.д. Сукмит подтвердил: «Да, некоторые из *damaagome* злые. Когда я начал лечить, то попробовал один трюк. Я попытался использовать свой яд в игре. Доктор не должен использовать свой яд в азартных играх (это было адресовано мне, а не Холлу, или Роберту Спрингу). Это против правил. Но я думал, что я хитер. Я думал, к черту правила, поступлю, как белые. И в середине игры мне очень захотелось пить, я поднялся, пошел к источнику и сделал большой глоток воды, и тут же у меня ужасно закружилась голова, мне стало плохо, случился спазм, и меня вырвало... Это сделал мой *damaagome*, потому что был взбешен тем, что я использовал его в игре, хотя не должен был этого делать». Слепой Холл расхохотался. «Ха, ха, ха. Твой яд сделал тебя больным. Ты использовал его в игре, он сделал тебя больным. Ха, ха, ха».

Сукмит подумал немного, а затем сказал: «Этих *damaagome* опасно приручать. Вот почему я использую только своих и не пытаюсь украсть *damaagome* других докторов. Но этот старик, доктор Холл, ему все равно, он крадет *damaagome* других докторов!» Слепой Холл загоготал: «Конечно! Я краду *damaagome* других докторов. Они моих тоже, если смогут. Они пытались украсть моего Ворона, но он не пошел за ними. Ха, ха!» Сукмит сказал: «Он хороший, твой Ворон. Хотел бы я, чтобы он был моим. Но я не хочу связываться с ядами других людей. Вдруг он окажется злым, ты не сможешь с ним справиться, и он сделает тебя больным». Слепой Холл снова рассмеялся: «Я не боюсь их!» Позже тем днем я спросил Роберта Спринга: «Как доктора крадут друг у друга *damaagome*?» «Не знаю, Док. Но вы слышали, что так сказал сам Слепой Холл. Как бы вы украли чужую собаку?»

Я пробыл в этом лагере еще несколько дней, а затем решил вернуться обратно в Алтурас и посмотреть, не вернулся ли домой Джек Фолсом. Я отправился на север, мимо Хантийю. И ближе к вечеру разбил лагерь в низине у ручья. В нескольких сотнях ярдов от меня находился другой лагерь. Поев, я отправился туда прогуляться. Индейцы, мужчина средних лет, молодая женщина и ребенок. Мужчина был неприветлив: «Чего ты хочешь?» «Ничего, я просто пришел в гости». «Мне не нужны гости! Твой лагерь вон там. Оставайся там. Ты пришел в мою страну. Ты убил моих людей. Ты забрал мою землю. Это мой лагерь. Оставь меня в покое».

Когда я уходил, женщина извиняясь, улыбнулась: «Он сердитый парень. Он не любит белых». Это и так видно.

Я нашел Джека Фолсома с Линой дома. Он сказал мне, что у пит-риверов есть слова обозначающие «год» и «месяц». Слово для обозначения месяца, естественно, было тем же, что и для луны. Что меня удивило, так это то, что они используют одно и то же слово (*tsulh*) и для солнца, и для луны; если они хотят уточнить, то говорят «ночной *tsulh*», или

«дневной *tsulh*».² Названия месяцев: месяц ежа; месяц белки; месяц дикой репы; месяц бегущих оленей, и т.д. У них двенадцать таких месяцев, и каждый четвертый год месяц середины зимы удваивается (они всегда приходятся на солнцеворот). Это было время больших споров. Как объяснил Джек Фолсом: «В зимнем доме довольно сильно воняло, особенно после того, как индейцы завели собак.³ После двух, или трех зимних месяцев подстилка из тростника была полна паразитов, блох и жуков. Люди постоянно чесались, и хотели выбраться и уйти в холмы. Возможно, следующим месяцем был месяц ежа, а затем месяц белки, а затем месяц дикой репы, и тогда люди уходили в холмы. Они хотели, чтобы зима поскорее кончилась. И они постоянно спорили об этом, старики, вожди, спорили. Это год, когда у нас должен быть второй месяц середины зимы. Нет, это будет с следующим году. Нет, он был у нас три года назад. Ты не знаешь, ты слишком стар, и все перепутал. Мы, молодые, обычно смеялись, слушая споры стариков... Да, Док, зимы тянулись в *astsuy* старых времен. В это время рассказывали длинные истории, истории прошлого, *dilasini'ki*, как мы их называем. О Койоте и Черно-Буром Лисе, о Ящерице, все они были людьми очень очень давно».

Приблизительно в это время я познакомился с азартной игрой, о которой много слышал, и которая, казалось, играла значительную роль в жизни пит-риверов. Меня озадачило, к примеру, что Джек Фолсом причитал о смерти одного из своих сыновей несколько лет назад, таким образом: «Да, он был отличным парнем, хорошим работником, никогда не попадал в неприятности, ОН БЫЛ ХОРОШИМ ИГРОКОМ...» Теперь мне представился случай понаблюдать ее; намечалось большое индейское собрание в Тулу'куупи, где должны были много играть. Я всегда думал об азартных играх, как о костях, или рулетке, или фантане и прочих известных попытках человека победить математические законы удачи. И полагал, что, как и все вековые проявления человеческой глупости, они всегда привлекали шарлатанов, мошенников и шулеров, весь тот набор, который ассоциируется в нашем уме со словами азартная игра и азартный игрок. Я пытался встроить это представление в индейскую действительность; и оно не встраивалось...

Тулу'куупи, «мешок», конец долины. Индейцы съезжались отовсюду, в колясках, верхом, в повозках, иногда в раздолбанных автомобилях, связанных веревкой. Повсюду в полны костры. Должно быть, там было сто, или двести индейцев. Приветствия. Где Такой-То? Он остановился там, под можжевельником.... Говорят, Ва'ва Элийю будет главным вождем.... О, он слишком стар... Пайюты прислали команду хороших игроков. И модоки тоже. Некоторые из наших людей уже напились, болваны, пайюты не пьют, когда играют, они снова выигрывают у нас.... Я прохаживался вокруг с Джеком Фолсомом. Он знал о современной жизни больше, чем большинство стариков, и это делало его чем-то вроде «вождя». Я знал довольно многих индейцев еще с тех пор, как работал ковбоем в этих местах – и Джек представил меня остальным: «Он хороший. Он не белый. Он испанец». (В этих местах испанцами называли мексиканцев, отбросы белого общества хозяев ранчо, всего на одну ступень выше индейцев, находившихся на одном уровне с лошадьми и скотом.)

Едва наступил вечер, как послышался треск палочек, клак-клак-клак-клак-клак... и люди начали стекаться со всего лагеря. Игра началась между командой пайютов с одной стороны, и смешанной командой модоков и пит-риверов с другой.

Между ними горел костер. Члены обеих команд сидели на коленях в ряд – перед ними лежала длинная доска, просто доска. «Кости» в этот раз были у пайютов. Они начали петь, и все, кроме двух людей, прятавших кости, стучали по доске короткими палочками. Это

² В мифах многих калифорнийских племен луна – это мужчина, а солнце – женщина. Среди пит-риверов, однако, я никогда не слышал упоминаний ни о солнце, ни о луне в каких-либо историях или мифах.

³ Доктор Мерриам, видный зоолог, подтвердил мое мнение, что калифорнийские индейцы получили собак относительно недавно, от других племен (которые, по-видимому, получили их от европейцев, подобно лошадям).

был клак-клак-клак, который я слышал. Он был таким же быстрым, как тиканье часов. И таким же размеренным, как метроном, *но ничто не задавало ритма*. Мелодия была типичной игровой песней пайютов, короткая песня из четырех фраз, начинающаяся довольно высоко и каскадами спускающаяся вниз, интервалами в один или полтора тона. Они пели, используя метод «закрытого горла». Связи между темпом клак-клак-клак и темпом мелодии не было.

Пайюты пели, а двое из них прятали кости. Голую кость и перевязанную кость. У перевязанной кости по середине был привязан шнурок. Угадывать нужно было голую кость. Но когда вы угадываете, то пытаетесь обмануть своего врага. Пытаетесь угадать его мысли. Делаете театральные жесты. Показываете налево, направо (ладонь вертикальна), показываете наружу (помните, в игре участвуют *две* пары игровых костей, обе голые могут быть снаружи). Вы пытаетесь запомнить привычку этого парня-пайюта, он всегда прячет голую кость слева, и как только вы говорите: «Ха», он перемещает ее. Ты, ты передвинул их. Ты должен держать руки ладонями вверх. Я держал. Нет, не держал. Держал. Где вождь? Он пьян. Вот черт, почему вы не играете, вы вечно ругаетесь – ... Эти сукины дети, *pahaqmaali*, пайюты, этот парень... Нет, он модок... Ты с ума сошел, он – *lutuaami*? Ты с ума сошел, он мой, я называю его *malis*. Он мой свояк. *Malis* – это огонь. И начинается спор. И снова клак-клак-клак-клак. Теперь модоки прячут кости. Пайюты угадывают. Они не спорят друг с другом. Они закрывают шляпами свои глаза. Модоки и пит-риверы поют. Они раскачиваются слева направо, в такт песне. Но они раскачиваются не совсем правильно. Что-то не так. Двое из них очень пьяны. Пайюты склоняются друг к другу и шепчутся, закрывая глаза шляпами. Кто-то бросет в огонь пучок веток. Он вспыхивает. Все пайюты хватают шляпы и прикрывают глаза. Один парень кажется главным среди них. У него очень темное лицо. Его волосы спадают на плечи. Они все что-то шепчут ему. Он наклоняется, слушая их. Иногда он кивает. Модоки и пит-риверы немного теряют контроль. Двое пьяных пытаются вмешаться. Внезапно они меняют песню. Какое-то время она дрожит и затихает в полныни. Все смеются. Какая-то старуха поднимается, плюет и уходит в темноту к своей стоянке. Повсюду костры. Люди готовят еду. Запах бекона. Люди перекрикиваются. «Как игра?» «Пайюты выигрывают. Наши люди пьяны. Им не везет!»

Тот пайют хлопает в ладоши, и затем разводит руки в стороны. Он сидит на коленях. Затем он медленно сводит руки вместе. Он указывает в середину (обе голые кости в середине). Один из пит-риверов переворачивает свои кости. Все смеются. Пайюты никогда не смеются. Они совсем другие люди, они наполнены пустыней. Старая женщина смеется в свете костра. Теперь оба игрока команды модоков и пит-риверов начинают нервничать и двигать свои кости. Пайют говорит: ХА! И указывает вытянутой рукой. Оба пит-ривер-модака, смеясь, перебрасывают свою кости. Человек перегибается, вытаскивает одну из меток и втыкает ее в землю на стороне пайютов. Все вопят. Он смущается. «Кости на той стороне. Что с тобой?» Он поспешно уходит, пропадая из виду. Теперь кости у пайютов....

Я ворочаюсь во сне. Весь лагерь затих. Лишь несколько младенцев плачут тут и там, но игра продолжается, клак-клак-клак-клак, там, где мерцает костер и напротив него двигаются черные тени людей.

Мы жили там почти неделю, играя, произнося речи, длинные речи. Эти речи стариков! Их не обязательно слушать. Почему же молодые люди сидят на земле, слушая разинув рот? Никто не заставляет их, нет давления общественного мнения (среди пит-риверов почти нет общественного осуждения чьих-то проступков, они просто толерантны), так зачем же все эти люди, мужчины, женщины, молодые люди, даже маленькие мальчики, собираются вокруг, сидя на земле. Эти речи стариков, длинные речи!! Они всегда начинаются с сотворения мира, дословно: «... и тогда Черно-Бурый Лис сказал Койоту...» и тянутся и тянутся. (Все глаголы ставятся в отдаленное прошедшее спряжение, с окончанием *-uaasa*, или *-iaasa*). И затем *kuan tsikuaasa dzeemul*. И тогда Койот не *-aasa* знал, что ответить. И

если белые люди заставят нас, индейцев, подписать эту бумагу для Вашингтона, мы будем как Койот, и мы *-aasa* потеряем наши оставшиеся земли, и т.д., и т.д., и т.д. часами. Затем люди переходят к следующему старику. И по рождению пит-ривер, но вырос среди индейцев кламатов (двоюродных братьев пит-риверов), и там попал под влияние двух движений: индейских трясунов и христианских миссионеров (х.м. полностью провалились среди пит-риверов, они не добежали даже до первой базы). И он начинает. Его речь не о политике. Она о религии и Иисусе. Он говорит по очереди на пит-ривере и английском: «Этот Иисус, он и его жена Мария, и с ними был маленький мальчик, они путешествовали по всему миру, они создали горы и деревья, они создали деревья, и создали ручьи повсюду, *teeqaade toolol...* И этот Иисус, он был великим человеком; он был лучшим игроком в Соединенных Штатах!» Модокки его особо не слушали; пайютов среди публики не было. Почти все слушатели были пит-риверами. Не было ни презрительных усмешек, ни проклятий, лишь множество коричневых лиц, шурящихся на солнце. Когда он закончил, вытерев лоб, они отправились туда, где началась другая игра, играли одни женщины. Среди них была крупная женщина из племени модокков. Никто не мог угадать ее кости. Она прятала кости в пестром носовом платке. Когда она пела, то все ее большое жирное тело тряслось, сидя на земле и раскачиваясь из стороны в сторону в ритме песни. Затем она вытирала свои руки платком, все еще находившимся в одной руке. Угадывающий вопил «Ха». Она смеялась, показывала кости и подбрасывала их в воздух. Все всегда проигрывали ей.

Светало, и весь лагерь зашевелился. Некоторые ранние повозки уже уезжали. Упаковываются вещи, собираются корзины, запрягаются и седлаются лошади, подзываются бегающие дети. Я седлал свою лошадь, разговаривая с Джеком Фолсомом. К нам подошел человек. Это был тот самый суровый парень, который так плохо принял меня недавно. Я заметил, что он несколько раз внимательно наблюдал за мной в лагере, но я никогда не заговаривал с ним, а он не заговаривал со мной. Теперь этот человек подошел ко мне, вложил мне в руки прекрасную маленькую сумочку из оленьей кожи, расшитую бисером, и сказал: «Моя жена сделала это для тебя». Затем он просто развернулся и был таков. Я стоял, словно огорошенный. Джек Фолсом посмотрел на сумочку и сказал: «Какая прекрасная сумка, Док, это отличная работа». «Кто этот парень, Джек?» «Я его не знаю, Док, думаю, он пришел с нижнего течения реки».

Оттуда я отправился с Джеком и Линой в их лачугу, спрятавшуюся в полыни за холмом, не далеко от Альтураса. Мы снова занялись изучением языка, и отправились в заросли кустарника с его винтовкой пострелять кроликов (зайцев) для котелка. Их были сотни и сотни, бросающихся бежать из-под каждого куста. Через минуту или две мы подстрелили одного, которого хватило бы для нас троих. Затем уселись и стали разговаривать, разговаривать... «Джек, у тебя есть *dinihowi*?» Джек посмотрел на меня, прищурившись в улыбке: «Где вы узнали это слово, Док?» – «Слепой Холл...» Джек фыркнул. «У этого старого ублюдка нет никаких *dinihowi*. Они не ужались бы с его ядами. Хотите знать, что этот старик делает с *dinihowi*? Он крадет их, точно так же, как крадет *damaagome* других докторов. Он крадет *dinihowi* честных индейцев, но не может удержать их. Они не уживаются с его ядами. Когда он хочет женщину, то идет в заросли кустарника и зовет ее вши...» «Что зовет?» «Вши. Те штуки, что ползают у тебя между ногами». «А, вошь». «Не знаю. Я всегда слышал, что белые называют их вши. Мы говорим *a'mits*. Они есть у многих индейцев. Так вот этот Холл идет в заросли кустарника, а у него самого есть среди ядов *a'mits*. И он заставляет своего *a'mits* звать ее *a'mits*. И вскоре женщина поднимается и уходит от костра, она сама не знает зачем, но она уходит в полынь, а там ее поджидает старый Холл».

«Но, Джек, эта вши не ее *damaagome*!» «Откуда мне к черту знать, что это не ее *damaagome*. Это может быть ее *dinihowi*. Я не говорил, что это ее *damaagome*».

«Да, правильно. Я ошибся. Я имел в виду ее *dinihowi*».

«Я не говорил, что это ее *dinihowi*. У многих из нас есть вши между ногами».

Я замолчал. Джек был очень добрым человеком, но каждый раз, когда я казался тупым, он терял терпение, сердился и начинал смотреть на холмы. Я изучил этот признак перемены погоды. Поэтому я замолчал.

Мы все еще сидели ни том же месте. Внезапно Джек сказал: «Да, у меня есть *dinihowi*. Я был бы чертовски жалким индейцем без *dinihowi*. Когда я был молодым парнем, старики вечно приставали ко мне. Пойди, найди свою удачу. Ты не сможешь жить без удачи. Забеги на гору, когда солнце перевалит за полдень. Попробуй обогнать солнце, красный свет, доберись туда первым. Дыши ровно. Беги ровно... Док, я был хорошим бегуном. В прежние времена мы соревновались в беге. Мы, молодые индейцы, пытались обогнать друг друга, отправляясь из одного места в другое, может быть пять миль, может быть десять. Беги через полынь, держи дыхание, не сбрасывай темп, не садись и не спи, не бойся, продолжай бежать через полынь, иногда ужасно высокую, выше, чем твоя голова... Я был довольно хорошим бегуном в то время. А теперь бегают мои лошади... И старики все приставали ко мне. Обгони солнце на вершине горы, тогда ты станешь мужчиной. Я пытался снова и снова. Однажды на дороге уселась большая лягушка, прямо в дорожной пыли. Она сказала: Ты никогда не доберешься до вершины без моей помощи. Я наблюдаю за тобой. Мне жаль тебя, ты так стараешься. Я помогу тебе...»

«Ты добрался до вершины в тот день?»

«Да, я добрался до вершины. Там ничего не было».

«А потом?»

«Потом я спустился вниз».

«А...»

«Что вы имеете в виду, а? Я получил своего *dinihowi*, разве нет? Я все время пытаюсь вам рассказывать правильные вещи, Док, а вы хуже, чем молодой индеец».

Мы вернулись через заросли кустарника. Он протирал ствол ружья веревкой с привязанной к ней тряпкой. Я нес зайца за длинные уши. Лина сидела перед хижинкой. И занималась своим вечным бисероплетением. Она взглянула на нас и улыбнулась. А затем снова вернулась к бисеру. Я положил зайца у костра. «Лучше выпотрошите его, Док. Мы приготовим его на ужин. А я пойду поищу лошадей». Это были прекрасные тихие дни с Джеком и Линой в тихом уголке полыни за холмом.

Но всего через несколько дней Джек снова потерял покой. Он одолжил несколько скаковых лошадей парню из Хэт-Крика. Это были молодые жеребцы. Он должен был присматривать за ними. Он не доверял этому парню. И они снова уехали, в повозке, он растолкал, поднял и потащил Лину в повозку, где она воссела среди своих многочисленных корзин. Джек взобрался на место возницы и отпустил тормоза. У нас не было времени даже попрощаться. Он запряг жеребчика со старой лошастью. Старая лошадь тронулась. Жеребчик брыкнул. И вниз по его заду потекла черная змейка. Они отъехали, и повозка почти перевенулась, Лина, улыбаясь, схватилась за края. Джек оглянулся, засмеялся и прокричал что-то, но я не расслышал, что он сказал.

Я остался там на ночь, а утром уехал.

II

Я вернулся на следующий год. На этот раз у меня был драндулет. Прогресс. Невозможно защититься от прогресса. Так что в этот раз я приехал, следуя от Реддинга вверх, вдоль Пит-Ривер. После Монтгомери-Крик мне встречалось все больше и больше индейцев. Я никогда раньше не был в этих местах, только однажды, много лет назад, с табуном лошадей, в пургу. Я даже не узнавал местность.

Я поднялся выше на плато. Становилось темнее. На моих вещах, раскачиваясь из стороны в сторону, сидела похожая на волка сука. Я устал вести эту чертову машину. Я их

ненавижу. Добравшись до Большой Долины, я больше не мог вынести эту езду по неровной дороге. Чуть южнее дороги горел костер. Я ужасно устал. И подумал: Это должно быть индейцы.

Я вышел и пошел к костру, предусмотрительно производя достаточно шума. Не стоило беспокоиться. Появился Сукмит: «Я ждал тебя. Я по тебе соскучился. И послал за тобой свой яд. Старуха здесь, в лагере. Старая Гордон умерла. И другая женщина, мой дядя, умерла. Мы все умрем. Ничего нельзя сделать. Что это там у тебя? Койот? Выглядит, как койот. Не рычи на меня, сукин сын, я индейский доктор. Я тебя не боюсь. Хочешь быть моим ядом? Джейми, говори, ты получил мое послание? Я по тебе соскучился. Хочешь стать доктором? Я тебя научу. Я индейский доктор. Я тебя научу плохому, страшному, я тебя научу, ты не белый...»

Под эту лавину слов меня потащили через пустырь к костру, который я видел с дороги. Никто не обратил на меня никакого внимания. Я уселся в углу и ничего не сказал. Затем маленький мальчик принес мне корзину, полную какой-то каши, с солью. Я был сдержан и очень внимателен, перебираясь подальше, к краю освещенного костром пространства. Затем из темноты раздался смех Мэри (я не видел ее до того момента, пока не уселся вне освещенного костром пространства): «Ха-ха, белый человек».

Я ездил с этой компанией несколько недель. Никогда не видел такого количества невероятных людей. Сукмит был единственным признанным шаманом, но он не был вождем. Он не был вождем, не был *weheelu*, среди них. Мы мотались по зарослям кустарника. Мы могли остановиться где-угодно, видимо, по всеобщему согласию. Мы останавливались в зарослях. Рядом всегда был ручей. Я никогда не знал, куда мы направляемся. Мы все куда-то ехали. Я не беспокоился об этом. Возможно, мы куда-то ехали. И даже если мы никуда не ехали, то мы просто не ехали, вот и все. Вечером мы разводили костер, несколько костров (нас было несколько семей). А утром снова отправлялись в путь. Я не знал, куда мы направляемся. И думаю, что и индейцы не знали. Мы выстраивались в приличную процессию, шесть, или семь машин, и моя машина обычно тащилась позади. Я не знал, куда мы едем, никто, казалось, не знал, куда мы едем, и затем наступала ночь, и костры догорали. Койоты начинали тявкать в кустах. Индейские собаки выли им в ответ. Затем все погружалось во тьму.

Затем однажды утром я узнал, что с концепцией белых о «неразговорчивых» индейцах что-то не так. Это случилось на следующий день. Мы ехали по зарослям полыни, без дороги, просто полынь, поворот налево, поворот направо, держись подальше от этой большой рощи, она плохая, падение в канаву... но нигде нет дороги, вообще, мы едем через кусты, ухаб на ухабе, все, шесть, семь, может быть восемь машин, восемь жестянок лиззи, гремящих по полыни. Затем, однажды утром нам пришлось остановиться. Одна из жестянок лиззи вышла из строя, и все бросились на помощь. Затем я увидел то, что меня потрясло. Я уже пришел было к умозаключению, что эти люди вышли прямиком из каменного века. Я сам не механик; я ненавижу машины; у меня обе руки левые; я не понимаю машины; лошадей – да; машины – нет. И вот я наблюдал за тем, как эти люди из каменного века развинчивают, завинчивают, вынимают детали из двигателя и раскладывают их на куске брезента на земле... но то, что меня потрясло, были их рассуждения. Они были совершенно логичны. «... Это не может быть зажигание, посмотри, у меня есть искра... Говорю тебе, это трансмиссия... Вот, дерни за этот рычаг...» Может быть я был слишком впечатлен, потому что для меня самая простая машина пахнет волшебством. Может быть, я пропустил многое из их спора, потому что они то и дело переходили на пит-ривер. Они называли батарею *hadatsi*, «сердце»; колесо – *pi'nine* (обруч, который в старые времена использовали для практики в стрельбе из лука); и так далее. Но они несомненно использовали логику точно так же, как любой белый. Наконец двигатель, или что там сломалось, был починен. Затем я услышал, как один молодой парень сказал другому: «Знаешь, почему это случилось? Потому что он спал со своей женой, когда у нее была менструация! Это против правил».

Наконец, все было починено: двигатель опять собран, все снова завинчено... но бег жестянок лиззи не возобновился. Мы просто остались на месте.

Я не знаю, зачем мы там остались. Мы просто там остались, посреди ничего, посреди полыни. После того, как сломанная машина была починена, я совершенно естественно ожидал, что все снова сядут в свои машины, и процессия возобновится. Но нет, никто не сел в машины; все разбрелись, уселись тут и там, болтали, зевали.

Я спросил одного человека: «Мы едем дальше, или остаемся здесь?» Он ответил: «Я не знаю. Я не вождь. Спроси вон того старика». Я пошел к этому старику. Он сказал, что он не вождь. Спроси вон того парня. Этот парень был человеком средних лет. Он сказал: «Черт, это не я решаю, я не вождь!» «А кто вождь?» «Я не знаю. Наверное вон тот старик. Он достаточно стар, чтобы принимать решения. Пойди, спроси его». Этот вон тот старик был тот же самый вон тот старик, и снова сказал мне то же самое. Он не вождь. Кто сказал, что он вождь? Все могут ехать, когда захотят, когда им понравится, ему все равно, он даже не знает, куда они едут, куда они черт возьми едут, они знают, куда они едут, я знаю, куда они едут??... Он сидел на подножке одной из машин. И шурился, глядя на послеполуденное солнце; к тому времени было далеко за полдень. Он жевал табак и сплевывал коричневый сок. Он больше не обращал на меня внимания и вернулся к своим грезам, шурясь на солнце.

Я заметил, как какая-то женщина развела костер. Вскоре еще одна сделала то же самое. Я отправился к своей машине и подогнал ее поближе к сукмитовой. Старая Мэри сидела на земле в тени автомобиля, плетя грубую корзину из ивовых прутьев. «Где Сукмит?» «*Tsesuwi diimas'adi*, я не знаю, ушел в полынь, этот парень чокнутый, *yalu'tuusi*, вечно ищет *damaagome*; принеси мне дров, белый человек, я готовлю еду». «Хорошо».

Солнце садилось. Я услышал в полыни два или три выстрела. Развел огонь. Вокруг горело еще четыре, или пять костров. Мимо прошел человек; он держал за уши несколько кроликов; и бросил нам одного. Мэри ободрала его, бросила кишки моей собаке, разрубила его на четыре части и насадила их на палки, поджариваться у костра. Ни следа Сукмита. Мы поели. Затем Мэри рассказала мне старую историю. Я расстелил на земле свои одеяла, скрутил сигарету и уставился на звезды. Неподалеку завывли койоты. Моя сука поднялась, вся оцетинилась и завывла в ответ (отвечая койотам, большинство собак воет, а не лает). Я лег спать с головой, полной старых сказок, жестянок лиззи, *damaagome*, смешанных с двигателями, койотами и полынью.

Я проснулся от обычного спора между Сукмитом и его матерью. В воздухе стоял запах кофе. Мы поели. Я осмотрел лагерь. Никаких приготовлений к отъезду. Все бездельничают. Мэри взяла свою корзину и принялась за плетение. Другая женщина отправилась с корзиной к ручью (неподалеку был ручей; конечно же, они должны были знать об этом). Какой-то мужчина возился со своей машиной. Еще один отправился с ружьем в заросли кустарника. Старик, который «вождь», ходил кругом и тыкал во все палкой. Он был почти слеп. Наступало утро. Я взял свою записную книжку и занялся лингвистикой.

Дни шли. Не так много дней, но может быть четыре, или пять дней. Я точно не помню. Я не записывал. Я жил. В полыни. Старые истории, зайцы, зажаренные на костре, медленная болтовня, Такой-То отравил Такого-То, я в это не верю, да отравил, откуда ты знаешь, его тетка по отцу принадлежит к *hammaawi*, и они отравили его *apau*. «Это не значит, что он с этим как-то связан!» «Кто сказал связан? Я не сказал связан. Я сказал они его отравили»... Дни шли, четыре, пять, шесть дней.

И вот случилось. Было около полудня. Я услышал, как человек вдалеке сказал: «*S.huptsiidzima*». Если бы он сказал *lhuptsiidzima toolol*, «Давайте поедем», это звучало бы иначе. Но нет, это было не повелительное наклонение, а повествовательное: «Мы едем, все мы, *toolol*, мы едем, *s.huptsiidzima*, мы все едем». Он не сказал: ДАВАЙТЕ ПОЕДЕМ! Нет, он просто констатировал факт: МЫ ЕДЕМ.

Это было как ураган. Я оглянулся. Женщины кидали корзины в машины. Затем, без каких-либо дальнейших предупреждений или совещаний, одна из жестянок отъехала в клубах пыли. Следом за ней еще одна. Затем третья, но только она отъехала, как кто-то закричал: «Эй! вы забыли вашего малыша!!» Машина поддала назад, молодая женщина выпрыгнула и побежала к можжевельнику, где, качаясь под веткой в колыбели, спал ребенок; она перебросила колыбель через плечо и смеясь побежала обратно к машине; все засмеялись; затем машина снова тронулась.

Сукмит завопил на меня: «*Lhupta*, поехали! Во имя господ, ты собираешься остаться здесь навечно?!» Я схватил свои бумаги и побежал к машине... Мы ехали, ехали, петляя то туда, то сюда, весь день, все машины более менее следовали друг за другом, мы объехали стороной город Альтурас, не останавливаясь, мы ехали на север, солнце село, взошла луна, мы продолжали путь, ни одна машина не сломалась, даже ни одна шина не была проколота, с нами была удача, и к утру мы остановились на равнине возле Дэвис-Крик...

Я собирался ехать обратно в Беркли. Я не собирался быть застигнутым осенью, и тем более зимой (по всему плато, в Альтурасе, Сузанвилле, Лейквью, температура опускается до минус тридцати по Фаренгейту). Я сказал Сукмиту: «Поехали на юг. У меня есть стоянка в Беркли. Это рядом с Сан-Франциско». «Да, я слышал об этом месте. Говорят, там много людей». «Ну так поехали, *lhepta*, ты и я». «Нет, не *lhepta*, а *lhupta*. Мы едем не домой, мы едем от дома. Я тебе это уже мильон раз говорил. Бесплезно учить белого». «Я еду к себе домой», – завопил я. – «Мой дом – это *septa*, разве нет?» «Нет, это не *septa*. Это означает, что ты на пути к дому. А ты сидишь здесь, не так ли? Ты не *septa*, ты *tapte-gudzii...*» Старуха у костра обратилась к нам: «Что вы двое все время спорите? Вы оба все время спорите, словно два старика! Белый и индеец, ха-ха-ха...»

Мы сидели под высокой сосной, ели и продолжали спорить, Сукмит и я. «Как ты можешь отправиться на юг и оставить своего *damaagome*?» «Он может найти меня, не так ли? Я могу спеть его песню. Он ее услышит. Он как лектричество, проходит под землей, я всюду могу позвать *damaagome*, и он придет...» Старая Мэри подняла глаза. «Он ни за что не придет...» – сказала она. Сукмит впал в ярость. «Придет! Придет! Придет!» Он скакал вокруг нее в своей совершенной ярости и потрясал кулаками над ее головой. Она сказала: «Он ни за что не придет».

Я был обескуражен, даже шокирован, этим детским поведением, этой вспышкой раздражения с его стороны. Вот он, могущественный шаман, укротитель *damaagome*, скачущий вокруг своей матери, потрясает кулаками у нее над головой, крича: «Они придут! Они придут, если я их позову, черт возьми, они придут!!» Старуха сидела на земле и плела свою корзину. Она улыбалась и продолжала спокойно повторять: «Они не придут... так далеко... они тебя не услышат».

Вскоре он успокоился. Я предложил записать несколько песен на свой фонограф. Я таскал с собой один из этих старых фонографов Эдисона с большой трубой. Делаешь запись на восковых цилиндрах специальной иглой-резцом; затем, чтобы проиграть их, меняешь ее на иглу с округлым концом. Все это изобретение было грубым и примитивным, в сравнении с современными методами. Им было довольно трудно пользоваться в помещении; а представьте его на улице, борющимся с ветром; труба болтается; мы извергаем проклятия... Сколько пота и труда я потратил на эти индейские песни, и сколько было испорченных записей!... Это было до появления усилителей; потом появились новые методы; плоские диски, небьющиеся и вечные; чудесное усовершенствование... но индейцы умерли, и больше нечего записывать.⁴

У Сукмита был мощный голос, которым он гордился. Он с удовольствием пел в трубу и затем слушал выдаваемый ему обратно собственный голос. Мы записали несколько песен,

⁴ Университет не стал мне помогать; они не проявили интереса; даже не дали достаточно денег, чтобы перенести записи на современные носители. Приличные антропологи не связываются с пьяницами, которые валяются в лужах с шаманами.

в большинстве своем игральных, и несколько песен танца достижения половой зрелости. Затем он сказал: «Давай запишем медицинскую песню Старого Слепого Холла, ну знаешь, ту, что про выкапывание гнилой дикой репы». И мы ее записали. Это было что-то подобное:

*В Далмо'ме у ручья
Я копаю дикую репу
В Далмо'ме вечером
Мне попадаетея лишь гниль.*

Затем я сказал ему: «Сумит, давай запишем одну из твоих медицинских песен». Старуха услышала меня и закричала со своего места у костра: «Не делай этого, Сукмит, не делай этого, *tse-dutsee, tse-dutsee!!*» Он казался сомневающимся, разрываемым на две части своим тщеславием и страхом возможных последствий. «Допустим, я запишу свою песню в эту машину; а ты уедешь в Беркли; ты проиграешь там мою песню; мой *damaagome* услышит ее, он скажет: Ха! мой отец зовет меня, пойду поищу его, может быть я ему нужен... И он придет в Беркли, чужое место, может быть, он заблудится, может быть, кто-нибудь украдет его... тогда я заболую и, может быть, умру...» «Да ну! он не услышит этот фонограф из Альтураса!» «Конечно услышит! Он как электричество, идет под землей, но ему не нужны провода». ⁵ «Что ты знаешь об электричестве?! Оно не так работает!» «Черт, а что ты знаешь о *damaagome*? Ты просто белый человек, проклятый бродяга». ⁶ «Нет, я не белый!» «Да, ты белый, ты белый навечно!!»

Старая Мэри смеялась у костра. «Вы вечно спорите, словно два старика. Ты, индеец, и ты, белый, ха-ха-ха! Вы оба сумасшедшие!»

И отвез их вниз, в Беркли, на своей машине, Сукмита и старую Мэри (она как-то сказала мне свое индейское имя; оно было как-то связано с тростником на рассвете; но я никогда не слышал, чтобы кто-то называл ее этим именем; Сукмит звал ее *niini*, уменьшительное от *nep* «мать»; и тоже стал называть ее так через какое-то время; другие индейцы называли ее «тетя», или «сестра по линии брата», *wattulaawi*, или любым другим термином родства, в зависимости от того, кем они ей приходились; если они не были ей родственниками, то они звали ее просто *wiya'tsaale*, что эквивалентно «старой леди»).

Город сильно разочаровал Сукмита и совсем не заинтересовал его. «Слишком много людей ползает вокруг, словно муравьи – это сводит меня с ума...» Большую часть времени он проводил, бродя по холмам за университетским кампусом. Он казался грустным и подавленным. Он больше не спорил.

Однажды я сказал ему: «Сукмит, я знаю, что тебя беспокоит... Ты бродишь в холмах и зовешь своих *damaagome*, и они тебя не слышат!» Он посмотрел на меня, и я подумал, что он сейчас расплчется: «Да», – сказал он, – «вы с *niini* были правы; они меня не слышат; они не приходят! Я умру, если останусь здесь».

И я отправил их обратно поездом. На станции они выглядели забавной парочкой, растерянные, он с длинными волосами и в своем черном сомбреро, с длинными руками и горбом; она, сжимающая узел; и ее седые волосы под ярким шелковым платком, который мы ей только что купили.

Я попросил кондуктора присмотреть за ними. Он широко улыбнулся: «Конечно, я о них позабочусь. Я знаю индейцев. Я вырос в Оклахоме».

⁵ Это было до беспроводного сообщения (по крайней мере до того, как беспроводное сообщение стало известно всем) - интересный пример так называемой «примитивной ментальности».

⁶ Пит-риверы называют белых *enellaaduwi*, дословно «бродяга», от глагольного корня *-laa-* «бродить», и адвербиального суффикса *-duw-* «вокруг». В первых белых (старателях, трапперах, и т.п.) пит-риверов больше всего потрясло то, что они казались бездомными.

Когда поезд тронулся, старая Мэри попрощалась со мной на пит-ривере: *Is tus'i taakaadzee*, Человек, живи хорошо! *Ittu toolol hakaadzigudzuma*, Мы тоже будем жить.

III

Я снова отправился на север на следующее лето. И нашел Джека Фолсома и Лину в их доме посреди полыни, за маленьким холмом. Я заметил, что Лина выглядит апатичной и больной. Джек был таким же, как всегда, со своей намешливой улыбкой, тихий и практичный. «Док, я слышал, что ваш друг Сукмит неподалеку. Недалеко от города заболела женщина, ну знаете, женщина заболела, какой-то доктор отравил ее, и вашего друга Сукмита попросили вылечить ее... и вот, Док, а у нас еда почти закончилась, на своей машине вы доберетесь до города за две минуты, сегодня суббота, и магазины будут открыты допоздна, вы не привезете продуктов, бекона и сладостей для Лины, она любит сладости, я не знаю, что с этой женщиной, Док, что-то не так, мне кажется, она плохо выглядит». «Хорошо, Джек».

Итак, я отправился в Альтурас, сделал покупки и на обратном пути, когда уже сгущались сумерки, недалеко от дороги увидел знакомую фигуру Сукмита, идущего через кустарник большими шагами. Я остановил машину, посигналил и закричал. Он не обратил внимания. Я снова посигналил и закричал. Конечно, он должен был меня услышать. Я вышел из машины и пошел к нему. Он слышал меня, и пришел в ужасную ярость: «Будь ты проклят, я занят лечением! Я поймал нового *damaagome* и тренирую его, он еще дикий, он шел за мной, как собака, а тут ты идешь и орешь, как ненормальный, ты испугал его, и он убежал!» «Прости, Сукмит, я не знал...» «Ты никогда ничего не знаешь, ты никогда не станешь индейцем, ты всегда будешь глупым белым!!» «Хорошо, хорошо, тебе не следует так сердиться», – и я повернулся, чтобы уйти. Он пошел за мной: «Ты разве меня не подвезешь? Меня ждут, я должен вылечить больную женщину». «Какой от этого прок, если я напугал твоего *damaagome*?» «Ты думаешь, у меня только один *damaagome*? Это просто был новый *damaagome*, которого я тренировал».

И я подвез его до места. Там у костра собралась дюжина индейцев. На подстилке из тростника, под одеялом, лежала женщина. Там была и Старая Мэри. Она поприветствовала меня своим обычным подшучиванием: «А вот и индеец белый человек. Он будет переводить. Нет, он наверное будет лечить. Ха-ха-ха, индеец белый человек». Большинство индейцев уже знали меня. Приветствия. «*Is kaakaadzi*, Человек, ты живешь, *is kaakaadzi*. Где ты был? Где твоя жена, твой сын, *mi'mu amiteudzan*, *mi'mu belatsi*? Почему они не приехали?»

Сукмит выглядел мрачным и задумчивым. Он пошел и молча посмотрел на больную женщину; а затем вернулся и уселся у костра. Старая Мэри поднялась, зашла в полынь и позвала *damaagome*.⁷ Все замолчали. Затем Сукмит начал одну из своих песен. Двое или трое подхватили, затем другие, затем почти все. Он хлопнул в ладоши, и пение внезапно остановилось. Он начал расспрашивать свой яд, а Старая Мэри, его мать, переводила (то есть повторяла слово в слово, но медленнее, хотя Сукмит никогда не доходил до невнятного бормотания, подобно Слепому Холлу и некоторым другим). И так далее, и так далее. Между расспросами ядов, публика, как обычно, отдыхала, курила и болтала. Но Сукмит не расслаблялся. Он становился все мрачнее и задумчивее. Мне он казался измученным. Через какое-то время он поднялся и стал «высасывать» болезнь из больной женщины: он прикасался губами к разным частям ее тела и сосал, издавая сильный свистящий звук. Он и сам казался очень больным. И попросил какую-нибудь емкость. Кто-то передал ему пустую жестянку из-под свиного жира (трехфунтовая жестянка), и он начал блевать, блевать и блевать в нее. Я находился рядом. То, что он выплевывал,

⁷ После того, как *damaagome* позваны, никому не разрешается приблизиться к собранию, будь то индеец, или белый. Причина очевидна: внезапное появление чужака может отпугнуть *damaagome*, парящих в воздухе над головой шамана.

выглядело, как очень темная кровь, но цвет был непонятный. Он скривился и сказал мне: «Фууу!... похоже на кофе». Его все еще рвало. Он вылил содержимое жестянки в огонь.⁸ Затем большинство индейцев ушло. Старая Мэри тоже казалась очень уставшей. Она сказала мне: «Позаботься о своем Сукмите», и исчезла. Сукмит был, словно пьяный. Я расстелил свои одеяла и потащил его за собой. Он долго плакал, как ребенок, и весь трясся. Наконец он уснул.

Утром он был в порядке. Как и больная женщина (с ней вероятно приключился тяжелый случай «хандры»). Она пришла к тому месту, где мы завтракали, и отдала Сукмиту нить бус в качестве платы. Она сказала: «Это не много, но я бедная женщина». Сукмит взял нить, бросил ее матери и сказал женщине: «Хорошо. Я делаю это не за плату». Затем Сукмит накачал шины своего автомобиля и вместе со Старой Мэри отправился в Большую Долину (где они жили), а я вернулся к Джеку и Лине в их дом посреди полыни за маленьким холмом.

Бедная Лина была очень больна. Джек хотел было позвать Слепого Холла, но тот был где-то внизу по реке. Потом он услышал, что в городе, на пути домой, в Орегон, находится группа модоков, и с ними старая Кейт, известная женщина-шаманка, и Джек решил обратиться к ней. Она приехала после полудня, в запряженном лошадей фургоне, со своим сыном, большим рослым парнем (с которым я позже изучал язык модоков). Она была довольно старой старухой, такой старой, что была согнута почти вдвое; она была почти слепа; и тем не менее настаивала на «помощи» (весь разговор шел на английском, так как модоки не понимают пит-ривер, и наоборот) в приготовлении еды. Она ходила вокруг нетвердой походкой, вытягивала клешню, вглядывалась, хватала что-нибудь и бросала в кастрюлю. Джесси (дочь Джека от другой жены – большая, красивая женщина около сорока, грациозная, величественная и немного надменная), приехавшая помочь,⁹ вздыхала, отворачивалась, скорчив гримасу, и зачем тихо вынимала из кастрюли всю мерзость, которую набросала туда старая Кейт.

Наступил вечер. У старой Кейт была сестра, много моложе ее, выступавшая в качестве «переводчика». Все было готово; мы все находились в хижине; а старая Кейт все еще ждала чего-то; наконец она сказала: «Этот белый останется?» «Он не белый!» – сказал Джек. – «Он такой же индеец, как мы». «Из какого племени?» – спросила она у меня. «Испанец», – ответил я. «А, тогда все в порядке. Испанцы хорошие люди». Для нее испанец тоже означало мексиканец.

Порядок действий у старой Кейт немного отличался от Слепого Холла, Сукмита, или других шаманов пит-риверов, которых я знал; но в целом он следовал той же линии – возможно, менее свободно и немного более схематично. Например, ее песни оказались относящимися не столько к конкретным *damaagome*, сколько к обобщенным животным. Ее сестра объясняла мне: «Это песня утки... это песня журавля... это песня пеликана...» Сын старухи ушел. Лечение не интересовало его. Пит-риверы не знали такого пения, и были слишком застенчивы, чтобы повторять. Лишь сестра старухи пела вместе с ней. Старая Кейт была недовольна. Наконец она обернулась ко мне: «Почему ты не поешь? *Canta, canta!*» «Хорошо, я попытаюсь». Песни были несложными. В них было меньше мелодии, чем в песнях пит-риверов. В любом случае, важно было создавать шум и быть услышанным ядами.

⁸ Жестянка выглядела наполовину полной. Было ли это кишечное кровотечение истерического происхождения? Сукмит (в отличие от других шаманов, таких как старая Кейт, например, о которой я расскажу позже) был не способен на *обман*. За это я могу поручиться. Я слишком хорошо его знал. Когда два хороших приятеля вместе напиваются раз за разом, правда обязана выйти наружу. Я просто не имею других объяснений содержимому жестянки, кроме данного выше.

⁹ Лина вырастила Джесси, но они должны быть были одного возраста, самое большее десять лет разницы - и потому Джесси считала Лину своей матерью.

Ближе к полуночи, или часу ночи (в отличие от шаманов пит-риверов, которые никогда не лечили более пары часов, Кейт продолжала лечение всю ночь, до рассвета – хотя все пит-риверы позасыпали в разных углах), на Кейт нашло. Она начала трястись, у нее пошла пена изо рта, она стала метаться вокруг. Сначала сестра пыталась ее удержать, но ее сил не хватало. Она обратилась за помощью к пит-риверам; но по разным причинам никто не двинулся с места. Тогда она закричала мне: «Эй ты, мексиканец, держи ее, я позову ее сына...» Он вошел, спокойный, большой, сильный парень. Тем не менее, несмотря на то, что мы двое сидели на ней, она сумела высвободиться, эта маленькая старушка, которую обычно можно повалить одним мизинцем! Вскоре она успокоилась и снова начала петь, прерываясь. Но она устала. Один раз она устала на крышу: «Это утро?» «Нет, Кейт, это луна. Это дыра на крыше». Она вздохнула.

Наконец она начала извлекать яд. Она сосала и сосала. Затем выпрямилась, засунула руку в рот и схватила что-то, находившееся у нее между зубами. В свете лампы я отчетливо видел, что она сделала: она откусила кусочек собственного ногтя. Это она продемонстрировала, как яд. Затем она попросила миску воды; утопила в ней яд и вылила воду в угол комнаты.

Утром модоки отправились в путь. Джек Фолсом хотел дать Кейт денег, но она отказалась: «От меня не было проку, Джек, твои люди не пели, мой яд не услышал. Твоя женщина умрет. Слишком плохо». Она попрощалась со мной. «Ты хороший человек, испанец, ты помогал, ты пел. Приезжай повидать меня в Орегоне». Я пообещал.

(И я приехал, на следующий год, чтобы изучать язык модоков с ее сыном. Я много говорил с ней. Однажды я сидел рядом с ней на бревне, на солнце; она курила свою трубку; и я сказал: «Кейт, помнишь тот раз у Джека Фолсома, когда ты лечила его жену... Ты откусила свой ноготь и сказала, что это яд...» Она покосилась на меня, довольно пронзительно, несмотря на свои слезящиеся глаза; и пробурчала: «...Ты слишком много знаешь – конечно это шарлатанство, хорошо для людей, заставляет их верить – но мой яд не шарлатанство, он силен, не ерудна, но в тот раз он не слышал, сукин сын!» «...Кейт, почему ты стала доктором?» «Давным давно, когда я была маленькой девочкой, я пошла в лес собирать ягоды, я не искала яд, яд сам нашел меня». «Он напугал тебя?» «Еще бы!» «Он до сих пор пугает тебя, когда приходит?» Она разразилась своим гогочущим смехом: «Черт побери, НЕТ! Он не пугает меня. Теперь я пугаю его!!!»)

Вскоре после того, как уехали модоки, приехал собственный отец Лины из окрестностей Хэт-Крика. Его звали Джек Уилсон. Он приехал в фургоне, запряженном лошадьми, и с ним был его «старший брат» (или кузен), которому было наверное лет девяносто, или сто; Джек Фолсом (который не знал, сколько лет ему самому) сказал о Бобе-Вожде, или Томе-Вожде (подобно всем индейцам, у него было несколько американских имен): «Когда я был молодым парнем, этот старик уже похоронил трех жен». Он был все еще прям, но ходил медленно; его кожа была цвета шоколада; а длинные клочья бороды делали его похожим на моржа.

Согласно Джеку Фолсому, Джек Уилсон был «вроде как доктор». Этим вечером он собирался вылечить свою собственную дочь. Переводчиком у него должен был быть Старый Том-Вождь. Джек Уилсон был высоким, очень молчаливым человеком. Днем Том-Вождь, который обычно сидел на бревне, забрел, ковыляя, в заросли полыни и произнес там речь. «Что он там делает?» – спросил я Джека. «Рассказывает старые истории – то, что люди делали давным давно». «Но там никого нет. К кому он обращается?» Джек пожал плечами: «К полыни, наверное».

Когда наступил вечер, старый Том-Вождь пошел и позвал *damaagome*. Приехали три молодых индейца; но они были слегка пьяны, пели невпопад и смеялись. Джек вынужден был сделать им замечание. Старый Том оказался совсем глух; он не слышал, что говорил доктор; и всем приходилось кричать ему, что сказал шаман, чтобы он мог повторить; вся затея была провалом. Приблизительно через час Джек Уилсон в отчаянии бросил это

занятие. «Бесполезно! Мои яды меня не слышит. Горный лев, волк, слишком далеко, они не слышат!»

Утром он сказал мне: «Я потерял всех своих детей. Она последняя. И я ее тоже потеряю». Это было днем. Осень и тепло. Дверь хижины была открыта. Далеко на запад простирались молчаливые холмы полыни, с видневшимися позади них горами. Один из тех дней, в которые время останавливается. Нас было с полдюжины в хижине, и большая женщина, тяжело дышавшая на куче своих одеял. Я не знаю, откуда мы знали, что она именно теперь умирает. Наконец Джек Фолсом не выдержал. Он закрыл лицо руками и заплакал. Он плакал, всхлипывая, словно маленький ребенок. Затем раздался этот ужасный звук погремушки. И еще до того, как он стих, Джесси начала причитать. О, этот странный, дикий, ужасный вопль, который превращается в пронзительный визг раненого зверя, этот нечеловеческий крик, уносящийся прочь, пока не стихнет в серии затихающих рыданий. И снова, и снова. Мне пришлось слушать это завывание в полыни всю ночь, пока оно не свело меня с ума.

Старик, ее отец, стоял на коленях у ее головы. Его лицо непроизвольно дергалось. Он закрыл ее глаза и положил ей на лицо платок. Затем он тоже не выдержал. Он положил голову своей дочери на колени, поднял к груди и разрыдался.

Всю ночь Джесси, вопя и вопя, бродила в зарослях кустарника. И всю ночь приезжали индейцы. Мужчины садились вдоль стены. Женщины выходили на улицу в ночь и вопили. Один индеец умер.

Затем Джек увез тело своей жены, чтобы похоронить ее на ее родине, в Хэт-Крик. Он сказал мне: «Я вернусь недели через две, и затем мы ее сожжем. Вы останетесь здесь вместо меня, Док?»

Я был немного озадачен этими сначала похоронами, а потом сожжением, но не задал ему никаких вопросов. Я сказал, что останусь, пока он не вернется. Он сказал: «Вы точно не испугаетесь?» «Нет... а должен?» «Из-за умершей женщины». «Почему?» «Она может прийти и убить вас по ошибке». «Нет, черт побери!» – сказал я.

В ту же ночь, что они уехали, приехал Дикий Билл. Он был объездчиком лошадей по роду занятий, и я знал его во времена своей авантюры с ранчо. Очаровательный парень, вечно готовый к веселью и шуткам, и превосходный наездник; на самом деле он был сумашедшим сорвиголовой. Мы всегда были друзьями.

Я удивился, увидев его. Он привязал свою лошадь к столбу в коррале и подошел ко мне. Он сказал, что приехал на похороны, и что женщина-которая-умерла была его кузиной. Он сказал «сестра».

«Как она может быть твоей сестрой, Билл?»

«Ну, с индейской точки зрения, это так».

«Я не понимаю, каким образом».

«Ну да. Смотрите: ее *apun*, ее дед по материнской линии, был старшим братом, что мы называем *apai*, моей сестры, младшей, моей *enun*».

«Но, Билл, это не делает ее твоей сестрой!»

«Конечно делает, Док... Если мужчина является братом моей жены, я называю его *malis*, а моего собственного брата, если он старше, я называю *apai*, а если младше – *atun*. Так же, как сестру, *apis*, или *enun*. А если это мой дядя, и он сестра моего отца, тогда я зову его... О, черт, Док; это нельзя точно передать на английском... Но говорю вам, эта женщина, которая умерла, моя родственница, я знаю это, потому что она всегда называла Тома-Вождя *aqun*, и меня он тоже называл *aqun*, и это доказательство».

Дикий Билл сказал, что останется и подождет, пока Джек Фолсом и остальные вернутся из страны *астуге*. В тот вечер он много рассказывал мне о Койоте и о саге о Койоте. Истории о Койоте образуют цикл, сагу. Это верно для всей Калифорнии; и распространяется на восток даже до пуэбло в Аризоне и Нью-Мексико. У Койота двойственная личность. Он

одновременно и Творец, и Дурак. Это противоречие очень важно. Пока вы этого не поймете, вы не сможете понять индейскую психологию вообще – по крайней мере вы упустите важность их литературы (я называю их сказки, их «старые истории» литературой).

Этот мудрец был клоуном: это два аспекта Койота, Старика-Койота. Заметьте, что я не называю их хорошим и плохим, потому что концепция нравственности, по-видимому, играет небольшую роль в отношении пит-риверов к жизни. Их нравы не слишком озабочены добром и злом. У вас есть четкое отношение к морально правильному и морально неправильному. Но я не думаю, что оно есть у пит-риверов. По крайней мере, даже если и есть, они не пытаются его навязывать. Я слышал, как индейцы говорили: «То, что делает этот парень, неправильно...» «Что ты имеешь в виду – неправильно?» «...Ну... ты не должен делать так эти вещи... этого никогда так не делали... будут неприятности». «Почему же тогда ты его не остановишь?» «Остановить его? Как я могу его остановить? Это его путь».

Пит-риверы (за исключением более молодых, которые ходили в государственную школу в Форт-Бидвелле) по-видимому не имеют и четкого представления о том, что мы подразумеваем под термином Бог. Это верно даже в отношении тех, кто свободно говорит по-американски, подобно Дикому Биллу. Он сказал мне: «Что это такое, что белые люди называют Бог? Они все время об этом говорят. Он проклял то, он проклял это, во имя бога, и бог создал мир. Кто это бог, Док? Они говорят, что Койот – индейский бог, но если я говорю им, что Бог – это койот, они сердятся на меня. Почему?»

«Послушай, Билл, скажи мне... Индейцы на самом деле думают, что Койот создал мир? Я имею в виду, они действительно так думают? Ты действительно так думаешь?»

«Конечно... Почему нет?... В любом случае... это то, что всегда говорили старики... только не все они рассказывают одну и ту же историю. Я слышал одну вот такую: нигде ничего не было, кроме тумана. Тумана, смешанного с водой, говорят, не было земли, и вот Черно-Бурый Лис...»

«Ты имеешь в виду – Койот?»

«Нет, нет, я имею в виду Черно-Бурый Лис. Койот будет потом. А пока, говорят, где-то в тумане, томимый одиночеством, бродил Черно-Бурый Лис. *Tsikuellaaduwi maandza tsikualaasa*.¹⁰ Черно-Бурому Лису было одиноко. И он подумал, что хочет встретить кого-нибудь, этот Черно-Бурый Лис. Он шел в тумане. Он встретил Койота. “Я думал, что кого-нибудь встречу”, – сказал он. Койот посмотрел на него, но ничего не ответил. “Куда ты идешь?” – спросил Лис. “А ТЫ куда идешь? Зачем ты вот так ходишь здесь?” “Потому что я беспокоен”.¹¹ “Я тоже скитаюсь”, – сказал Койот, – “Я тоже беспокоен и хожу”. “Я думал, что встречу кого-нибудь, я думал, что встречу-кого-нибудь. Давай пойдем вместе. Лучше, когда два человека путешествуют вместе, так всегда говорят...”»

«Подожди минуту, Билл... Кто так говорит?»

«Лис так сказал. Я не знаю, что он имел в виду, когда сказал: *так всегда говорят*. Забавно, не так ли? Как он мог говорить о других людях, если никого до этого не было? Я не знаю... Я сам иногда об этом думаю. Я спрашивал стариков, и они говорят: “Я сам иногда об этом думаю, но мы всегда слышали, что это рассказывают именно так”. А пайюты рассказывают иначе! И наш народ, вниз по реке, тоже рассказывает это немного иначе. Док, может быть, всего этого никогда и не было... А может быть было, но все говорят по-разному. Люди часто так делают...»

«Ладно, продолжай. Ты сказал, что Лис встретил Койота...»

¹⁰ Когда рассказывают старые истории давнего прошлого, каждый глагол должен начинаться с *tsik-*, который потом более-менее сливается с прономинальным префиксом.

¹¹ Быть обеспокоенным, *-insimallauw-* (2 спряжение). Когда индеец обеспокоен, он идет и скитается, *-inillaaduww-*. Когда он «скитается», то ходит по горам, плачет, ломает деревья, швыряет камни. Некоторые из его родственников могут наблюдать за ним издали, но они никогда не подходят близко.

«Ну да... А Койот сказал: “Что мы будем делать?” “А как ты думаешь?” – сказал Лис. “Не знаю”, – ответил Койот. “Хорошо”, – сказал Лис, – “я скажу тебе: ДАВАЙ СОЗДАДИМ МИР”. “А как мы это сделаем?” “МЫ БУДЕМ ПЕТЬ”, – сказал Лис».

«И они запели там наверху, в небесах. Они пели и притопывали¹² и танцевали друг вокруг друга, двигаясь по кругу. Затем Лис подумал: КОМОК ЗЕМЛИ, явись!! Вот как они это сделали: *мыслью*.¹³ Вскоре комок земли был у него в руках. И держа его в руках, он все время пел. Они оба пели и притопывали. Внезапно Лис бросил кусок земли, *tsapettia*,¹⁴ вниз, в облака. “Не смотри вниз!” – сказал он Койоту. – “Продолжай петь! Закрой глаза, и не открывай, пока я не скажу”. И они продолжали петь и притопывать друг вокруг друга, двигаясь по кругу. Затем Лис сказал Койоту: “Теперь посмотри вниз. Что ты видишь?” “Я что-то вижу... Я что-то вижу... но я не знаю, что это”. “Хорошо. Снова закрой глаза!” И они снова начали петь и притопывать, а Лис думал и желал: Растянись! Растянись! “Еще раз посмотри вниз. Что ты видишь?” “Оно стало больше!” “Еще раз закрой глаза и не смотри вниз!” И они продолжили петь и танцевать там, наверху, в небе. “Еще раз посмотри вниз!” “О! Теперь оно достаточно велико!” – сказал Койот.

«Вот так они создали мир, Док. Затем они оба спрыгнули на него и еще растянули. Затем они создали горы и долины; деревья и скалы и все остальное. Это заняло много времени!»

«Они создали людей?»

«Нет. Не людей. Не индейцев.¹⁵ Индейцы появились много позднее, после того, как мир был испорчен сумасшедшей женщиной, Гагарой. Но это длинная история... Как-нибудь я вам ее расскажу».

«Хорошо, Билл, но скажи мне всего одну вещь: был мир; потом на нем стало жить много животных, но людей тогда не было...»

«Что вы имеете в виду – людей не было? А животные разве не люди?»

«Да, люди... но...»

«Они не индейцы, но они люди, они живые... что вы имеете в виду под животными?»

«Хорошо... как сказать ‘животное’ на пит-ривере?»

«...Не знаю...»

«Но представь, что ты хотел бы это сказать?»

«Ну... я сказал бы что-то вроде *teeqaade-wade toolol aakaadzi* (по-всему-миру, все живое)... я думаю, это значит животные, Док».

«Не думаю, Билл. Это означает и людей. Люди живые, не так ли?»

«Конечно! Вот о чем я вам и говорю. Все живое, даже камни, даже скамейка, на которой вы сидите. Кто-то *создал эту скамейку с какой-то целью*, не так ли? Значит, *она живая*, разве нет? Все живое. Вот во что верим мы, индейцы. Белые люди думают, что все мертвое...»

«Послушай, Билл. Как сказать ‘люди’?»

«Не знаю.. наверное, просто *is*».

«Я думал, что это значит ‘индеец’».

«Да... А разве мы не *люди*?!»

«Но и белые тоже!»

¹² Индейцы танцуют не так, как европейцы, поднимая пятки и балансируя на носках; наоборот, нога поднимается с земли плоской, в то время, как вторая прижата к земле (и согнута в колене); затем, в течение небольшой паузы, одна нога находится в воздухе; затем другая нога ставится на землю, тогда как первая поднимается. Это фундаментальная идея; существует много вариаций; кроме того, плечи и голова двигаются синхронно.

¹³ Я не романтизирую и не перевожу свободно; *hay-dutsi-la* дословно означает «при помощи мышления». Корень *hai-* означает «мысль»; *dutsi* это глагол «быть», использующийся здесь, как вспомогательный в причастной форме (т.е. «будучи»); *-la* суффикс, представляющий творительный падеж (т.е. «при помощи»).

¹⁴ Эти большие комья грубой травы и земли, которые постепенно поднимаются на уровне воды в болотах, называются *tsapettia*.

¹⁵ Слово для обозначения «людей» - *is*. В наши дни оно используется только по отношению к индейцам, в противопоставление термину, используемому по отношению к белым: *enellaaduwi*.

«Четра с два!! Мы называем их *inillaaduwi*, «бродяги», всего лишь бродяги. Они не верят, что все живое. Они сами мертвые. Я не считаю это ‘людьми’. Они умны, но ничего не знают... Уже поздно, Док, я хочу спать. Пойду лягу спать на том стоге сена...»

«Но ты замерзнешь насмерть! Уже подмораживает ночами».

«Не, не замерзну. Я индеец. Я привык».

«Но почему ты не хочешь спать здесь, внутри?»

«ЧТО?! Вы с ума сошли? Эта женщина может прийти и убить меня».

«Ты имеешь в виду Лину?»

«Тсс!.. Док! Ради бога, не зовите ее, не называйте ее имени! Просто говорите: женщина, которая умерла. Это плохо. Она вероятно где-то здесь, где-то неподалеку. Они еще не сожгли ее вещи, ее корзины, одеяла, одежду... все эти вещи зовут ее, зовут ее тень, ее *de'lamdzi*».

«Но почему она должна причинить тебе вред?»

«Она не хочет мне навредить».

«Но ты только что сказал, что она может убить тебя...»

«Она заберет мою тень с собой, и тогда я умру».

«Зачем она заберет твою тень с собой?»

«Это избавляет их от одиночества на дороге в страну умерших».

«Где это?»

«Я не знаю. Никто не знает. Где-то на западе. Говорят, там есть большое озеро, бескрайнее, и умершие люди живут там на острове... Я не знаю... это то, что я слышал».

«Но Билл, я все равно не понимаю, зачем она должна хотеть забрать тебя туда...»

«Я же сказал, Док: чтобы избавиться от одиночества по дороге в страну умерших. Вы бы то же самое сделали, если бы отправились в незнакомое место. Вы бы взяли с собой кого-то, кто вам нравится».

«Ну тогда она может взять меня, Билл. Я знаю, что я ей нравился».

«Конечно! Вот почему я и говорю, что вы чертов дурак, если будете спать здесь!»

«Билл, расскажи мне еще кое-что перед тем, как уйти... о тени, как вы ее называете, *dalilamdzi*?»

«Не, это означает ‘отбрасывать тень’, например *salilamdzi* означает, я отбрасываю тень, *kalilamdzi* это ты отбрасываешь тень... Нет, Док, я знаю, о чем вы думаете, что *de'lamdzi*, тень, не то же самое, что *dalilamdzi*, это тень... черт побери, я не знаю, какая разница, звучит похоже, разве нет? Слушайте: я помню, что когда был маленьким мальчиком, то слышал, как старики, просыпаясь утром, пели:

<i>dalilamdzi</i>	<i>walilamdzi</i>	<i>de'lamdzi</i>	<i>seena seena</i>
(рассвет	рассветает	тень	я иду домой, я иду домой)

«Так что *dalilamdzi* означает еще и рассвет! Старики бормотали это, когда просыпались утром и говорили: Моя тень склонна бродить по ночам, и может потеряться и не найти меня утром, вот зачем я пою, чтобы показать ей, где я!.. Я думаю, что с вашей стороны глупо спать здесь, в хижине, куда она склонна возвращаться, чтобы посмотреть на свои корзины, которые она сама сплела, свою плиту, и все прочее, ее тень может попросить вашу тень пойти с ней, и больше не будет Дока Ковбоя, и мы похороним вас и сожжем ваши вещи, ваше седло, и вашу книгу, и все остальное, и все будут плакать... ну спокойной ночи, Док!»

Дикий Билл остался на несколько дней, ожидая возвращения Джека Фолсома и остальных индейцев из окрестностей Хэт-Крика, где они хоронили «женщину, которая умерла». Он был прекрасным рассказчиком и рассказал мне множество старых историй. Есть племена, где старые истории и «мифы» (как их называют антропологи) шаблонны, их костное по форме содержание даже можно предсказать, и их следует повторять дословно. Но с пит-риверами дело обстоит не так! Плохой рассказчик передаст вам монотонным голосом и короткими предложениями (почти все они начинаются с «и тогда...») лишь общие очертания. А хороший рассказчик, подобно Дикому Биллу, или старой Мэри,

рассказывает, используя жесты, подражание, имитирующие звуки – это настоящее театральное представление. Если слушателей несколько человек, они одобрительно кряхтят после каждого пассажи. Вместо аплодисментов и хлопков, которые используем мы, они поднимают свои подбородки и говорят: Хан...

Наконец, в один из дней, около полудня, вернулся Джек со всеми родственниками; пять или шесть фургонов, полных людьми, и тут же в этом тихом уголке полыни все превратилось в смятение и ад крошечный. Они развели большой костер. Было много споров. Некоторые все еще выли. Какая-то женщина вытаскивала из дома вещи, две, или три корзины, или охапку одежды, и кидала их в огонь; затем заходила в полынь и выла. Мужчины в большинстве своем молчали и были заняты; некоторые из них причитали в стиле мужчин: что-то вроде глубокого стога, Хон-хо-хо, хон-хо-хо... Они быстро выносили вещи из дома, кидали их в огонь и возвращались за следующими. Некоторые из них спорили (они не были бы пит-риверами, если бы постоянно о чем-нибудь не спорили!); один небольшой человек подходил ко мне раз за разом, жалуясь и требуя сжечь и дом. Это было спорное утверждение, потому что в старые времена индивидуальных домов не было. И к тому же, согласно Дикому Биллу, это был дом не только женщины, которая умерла, но и Джека... Но маленький человек настаивал на полном разрушении. По меньшей мере следует бросить в огонь печь. «Но она не сгорит!» – сказал Дикий Билл. «Ну тогда бросьте ее в ручей», – сказал фундаменталист.

Я сидел в своей маленькой палатке и старался держаться в стороне. Все это происходило так стремительно, словно ураган в полыни, что я впал в оцепенение. Но все продолжали приходить в мою палатку, либо чтобы доказать мне, или себе, что они правы, либо спросить, не принадлежит ли та, или иная вещь мне, прежде чем бросить ее в огонь. Моя копия *Моби Дика* почти угодила в огонь, а заодно и принадлежавший мне недоуздок. Чаще всего в мою палатку влезал Дикий Билл, насмешливый, как обычно: «Вот вам и индейцы! Вы только посмотрите на них, Док...Проклятая сумасшедшая толпа. Вечно спорят, вечно спорят; спорят все время... Хоть бы они уже закончили с этим сожжением. У меня три молодых жеребца в Тулукуупи, я оставил их в коррале, надеюсь парни их кормят... и все же я должен возвращаться».

Сам Джек Фолсом, казалось, не был занят ничем, только ходил вокруг, причитал, плакал и стонал. Он пришел ко мне в палатку, уселся на мою койку и расплакался, как ребенок. «Эта женщина была очень хорошей, Док. Никогда не спорила. У меня было четыре, нет, пять жен до нее. Мы долго прожили вместе. Вы знаете мою дочь, Джесси, она вырастила ее. У Джесси уже внуки».

«Но, Джек, я думал, что Джесси – дочь этой женщины...»

«Нет, она дочь другой женщины. У меня уже было три женщины, нет, четыре. Нет, согласно индейскому обычаю, только две. Эта женщина, я заплатил за нее, и она заплатила за меня. Это по индейскому закону. Я дал Джеку Уилсону, ну вы знаете... этот старый парень, который пел той ночью, я дал ему белую кобылу, она была ужасно быстра, она выигрывала для меня скачки несколько раз, а ее люди дали мне право рыбачить на Хэт-Крик... Но вы заметили ту женщину, что пришла с ними? Она всем заправляет, и всеми командует...»

«Да, заметил. Кто она?»

«Это младшая сестра женщины, которая умерла, как мы говорим, *epin*, то же, что вы называете «кузиной». Она пришла претендовать на меня».

«Что значит претендовать на тебя?»

«А вот что, Док: по индейскому закону, *слово остается за мертвыми*; у родственников умершего человека есть одно право. Если бы я умер, тогда мои люди, мои родственники, они имеют право привести другого человека на мое место. Не важно, что он старый и ни на что не годится. Они говорят: Мы купили эту женщину, теперь она принадлежит нам; вот муж для нее; пусть она берет его, или отдает нам наш подарок; мы дали вам за нее

лошадь; где эта лошадь? Ну вот, а та женщина, что умерла, я женился на ней по индейскому закону. И ее люди, ее родственники, пришли сюда с одной из других женщин и сказали мне: Ты потерял одну, вот тебе другая, чтобы у тебя не было претензий к нам». «Тогда это хорошо, или нет?»

«Нет, это не хорошо, Док. Я не хочу эту женщину. Она хороша. Она молода, я знаю. Она чистоплотна; она хорошая работница... но она та еще командирша! Она будет командовать мной... я слишком стар для того, чтобы мной командовали!»

Впоследствии я взял Джека вниз, на свое маленькое ранчо в горах, к югу от Монтерея. Нам пришлось проделать пятьдесят миль в дилижансе, а потом еще пятьдесят по тропе через хребты. Когда мы находились на вершине самого высокого хребта, солнце садилось в океан, и мы остановились поесть сэндвичей и сделать кофе. Но перед тем, как поесть, Джек разжевал кусочек и выплюнул немного на восток, на север, на юг и на запад. «Док, я делаю это, потому что я в незнакомой стране. Те люди, которых мы не видим, койоты и лисы, и все виды *dinihowi* и *damaagome*, что живут вокруг, не знают меня, потому что я чужак. Они могут мне навредить. И я говорю им: я хороший, я не желаю вам зла, видите, я кормлю вас; и вы не причиняйте мне вреда, потому что хоть я и чужак, я хочу быть вашим другом. Вот так нужно делать, Док, это хорошо».

Ночь застигла нас, и мы спускались по крутой тропе в темноте. Джек спотыкался. «Док, вы выбрали четовски крутую страну для житья». Наконец, мы добрались до дому, и я зажег огонь в очаге. Там лежала старая каменная ступа, из тех, в которых индейцы толкли желуди каменным пестиком. Их все еще используют в центральной Калифорнии, но по непонятной мне причине их больше не используют в районе Пит-Ривер. По правде говоря, пит-риверы боятся прикасаться к ним. «Эти штуки опасны, Док, эти штуки полны силы. Наткнешься на такую, лежащую где-то на земле; а на следующий день найдешь ее, может быть, в миле от этого места! Они двигаются по ночам!» Я так и не узнал, относится ли это только к тем ступам, что лежат брошенные «где-то», или ко всем. Впрочем, я никогда не видел ни одной в ходу у пит-риверов. И вот Джек был сильно потрясен тем, что одна из этих ступ лежит у меня рядом с очагом! «Вам не следовало этого делать, Док! Возле огня ей становится слишком жарко... это сведет ее с ума... она может навредить вам, принести вам несчастье, или наслать болезнь на ваших детей...»

Но Джек не долго оставался на моем маленьком ранчо. Ему снились плохие сны. «Мне снится кровь, Док. Это те люди действуют против меня, люди моей жены, той, что умерла. Они привлекли на свою сторону нескольких сильных докторов. Мне следовало жениться на ее сестре, когда она пришла претендовать на меня. Это индейский закон. От этого не уйдешь!»

И я отправил его на станцию, и он уехал обратно в Модок к радостям семейной жизни.

Когда я увидел его следующим летом, он выглядел подавленным. Он поприветствовал меня со своей обычной теплотой, но когда я спросил его, как у него дела с его бывшей свояченицей, он сказал: «Это ад, Док, просто ад. Ядохнуть свободно не смею».

Я встретил его снова на следующее лето. Он весь светился. «Я избавился от нее, Док. Я жил на Дэвис-Крик, когда ее брат пришел повидать меня и сказал: “Джек, я бы не остался с этой женщиной на твоём месте. Она жуткая командирша!...” Ну, Док, это все, что я хотел услышать. Он был ее старшим братом, так что его слово имело вес. И я позвал своего Милларда, вы его знаете, и сказал: Я уезжаю – когда эта женщина вернется в лагерь, не говори ей, куда я ушел – ты ничего об этом не знаешь, *сабе?*»

Несколькими годами позже я нашел ее замужем не за кем-нибудь, а за Сукмитом! Но она нашла свою половину. Они орали друг на друга, а старая Мэри самодовольно улыбалась. Старая Мэри заслужила этот отдых.